

Вдовина Ю.В.

История маленькой
революции

16+

Юлия Вдовина

История маленькой революции

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63704711

SelfPub; 2021

Аннотация

Извечные вопросы: "кто виноват" и "что делать?". 1910 год. Уже три года как отгремела Первая Русская Революция, но местные организации за права рабочих продолжают свою борьбу с аристократами и их приверженцами. Одно незначительное мероприятие для группы пролетариев трагическим образом обернулось для молодой дворянки, потерявшей всё в одночасье. Впрочем, история совсем не об этом.

Содержание

Пролог.	5
I	5
II	13
III	17
Первая часть.	19
I	19
II	28
III	31
IV	35
Вторая часть.	37
I	37
II	45
III	48
IV	54
V	60
VI	68
Третья часть.	70
I	70
II	77
III	82
IV	96
Четвёртая часть.	102
I	102

II	107
III	112
IV	117
Пятая часть.	121
I	121
II	128
III	134
IV	138
V	141
Шестая часть.	143
I	143
Эпилог.	146
I	146
II	151

Юлия Вдовина

История маленькой революции

Пролог.

I

До самого утра в суматохе носились крестьянские бабы, напевая праздничную и разбирая следы вечернего застолья. Иногда, второпях, спотыкались они, нарядные, загорелые, тощие и в синяках, о валяющихся пьяных мужиков, вместо барщины отсыпавшихся. То не обошлось без барского позволения. «Вы, мужики, – говорил он, – выпейте хорошенько за бывшего своего господина, а вы, бабы, хорошенько помолитесь за покойного и меня, сына его!». И, вдоволь наговорив барину Лоскутову Ивану поздравлений, запили мужики, и замолились бабы. И пили мужики, оголяя свои крепкие изрезанные хлыстами спины, и молились бабы, пуская горькие слёзы по осунувшимся лицам, долго. Бабы как до сна священника пламенными молитвами довели, так за уборку принялись да по детям разбежались. А кто не пил из мужи-

ков, те по фабрикам разбрелись.

Среди не напившихся был Алексеев Степан Евдокимович. Здоровый, как богатырский конь, работающий, как весенняя пчела, и сильный, барин говаривал, как животина заморская. Жил Степан в деревне той с неразумного младенчества, туда и жену свою, Павлу Климовну, из соседнего села перевёз, там и обзавёлся четырьмя детишками да ещё одного ожидал. И потомство его было, как он сам, дюжее, хотя и жена его – хворая беспрестанно. Старший сын Степана, Бориска, сильным и выносливым рос мальчуганом. Седьмой годок шёл, а он и без хлеба живал долго, не жалуясь на голод, и босой бегал по осени, а всё равно барина почитал, как отца родного, и верил ему, как попу. «Как мы без Вашей твёрдой руки проживём, Иван Ильич! Как мы, глупые крестьяне, без Вашей строгости-то?!» – падали крестьяне в ноги Ивану Ильичу, а до этого отцу его, тряслись перед ними и после объявления вольной в страхе членовредительной порки вот уже двадцать лет, а Боря слушал их и верил им, а бранящих барина сам бранил. И не мог он считать иначе, ведь Иван Ильич, всего месяц бывший владельцем поместья после смерти отца, к ним часто с пряниками захаживал и хвалил мать за хозяйство. И не понимал ребёнок, почему отец после посещений проклинал барина.

Было у Степана и три дочери. Любил он больше старшую, Тамару, прозванную в честь его почившей в день родов жены то ли от голода, то ли от язвы бабушки. Бойкой девочкой

родилась Тамара! В год уже вовсю носилась по двору, а в четыре и семилетний Борис за ней едва мог угнаться. Днями резвилась, а ночами её не добудишься! Спала крепко, как былинный Добрыня Никитич. С братом они жили дружно, почти всегда играли вместе. Борис рассказывал Тамаре перед сном страшные истории о мёртвых лошадях и их призрачных владельцах, о морских чудовищах и о подземных чертях. Сначала Тамара боялась, плакала, звала на помощь маму. Когда Бориса наконец наказали, и он был заперт в бане на сутки, девочке стало стыдно и просидела она все эти сутки с братом и стала потом сама истории выпрашивать.

Отец почти не занимался ими, каждый день, кроме воскресенья (а иногда и по воскресеньям), выезжая на заработки на городской завод. Павле Климовне тоже не хватало времени на старшеньких – не вылезала она из забот о девочках-близняшках, крикливых полугодках.

Павла Климовна в своём селе считалась самой завидной невестой: густая белая коса доходила до голых истоптанных от танцев пяточек, лицо – круглое, румяное! Не морились голодом в их селе крестьяне. Долго горевали о Павле сватья, когда увёз к себе девицу Степан Евдокимович. После свадьбы бивать её начал, но как первого ребёнка потеряла Павла, так перестал. И всё же не цвела женщина на новом месте, хотя горя много не знала у себя в доме, так как выходила оттуда лишь на праздники, если муж позволял, и в свой двор. Ведала по разговорам мужа, отчего местные бабы такие

худощавые и злые, отчего ругали раньше Илью Витальевича и сейчас не жалуют его сорокалетнего наследника, но не верила, потому что лично не видала. Да и как ей было верить, если с Ильёй Витальевичем общалась она лишь по приезде в деревню, а сын его, Иван Ильич, был так добр к ней?

И на барские именины соткала Павла Климовна Ивану Ильичу пёстрый платок. И, радостно протягивая, удивилась, что зашептались все бабы, будто жалея её. «Как с Миленой будет, помяните моё слово! Бедная девка! Якой же Степан остолбень! Погубит её Ильич, ряхубник этот!», – ругалась вдалеке старая тётка Малуша, родившаяся ещё при Екатерине Великой. (Сторонились Малушу деревенские, клича ведьмой.) Приезжал десяти лет Иван Ильич к Илье Витальевичу и испортил девицу Милену против её воли перед самой свадьбой с поварёнком Агапом. Осрамлённая Миленка сбегала из-под венца в канавку и кинулась в торопящуюся речку, а Агап хотел поднять руку на Ивана Ильича, но не успел – толкнули его за суженой. И молились на вчерашнем празднике не забывшие тот случай бабы не за Ивана Ильича, а за рабу Божию Павлу Климовну.

А к первым петухам, проводив горячим поцелуем мужа, отмахнувшегося от жены (торопился в город к дочери фабричной кухарки Агафье), воротилась Павла к детям. Убаюкала проснувшихся близняшек, потрепала по голове спящих старшеньких, погладила своего утробного малыша и принялась за готовку. На печке хихикал Бориска, счастливый, что

мама не догадалась о том, что он давно пробудился. Высунул он маленькую чёрную головушку, подложив под неё правую ладошку, слушал маменькино плавное пение, любуясь ей, и посасывал подаренный баринком пряник.

– Ты, Пашенька, всё крутишься, вертишься.

В избе появился бодрый, как крестьянин после крещенского окунания, Иван Ильич. Он встал рядом с Павлой Климовной и, прижавшись острой бородкой к замершему плечу, провёл не по-мужски нежными точёными пальцами по её длинной толстой косе. Хозяйка нахмурилась и неровно задыхалась.

– Чем же мне, Иван Ильич, бабе, кроме как в доме да на поле маяться? Поля вскопаны, вот и остаётся.

– Чтобы такой красивой и другого дела не нашлось?

«Да-а, – думал Бориска, подглядывая из-за побелённой печки, – мамка у меня пригожая! Её бы в артистки столичные!». Замечтавшись, он не заметил, как барские проворные руки легли на округлые пышные бёдра матери.

– Что Вы, что Вы, Иван Ильич?! – Павла, придя в себя от секундного помутнения, рассердилась, строже нахмурившись, и попробовала скинуть щипавшие её ладони. – Идите отсюда, Иван Ильич!

«Почему мамка гонит его? Барин нас любит!».

– Я зря тебя обхаживал? Пряники таскал, от мужика твоего много не требовал.

Лоскутов не тронулся с места, а лишь теснее прижался к

сгорбленной спине крестьянки, покрывая её широкую шею липкими поцелуями. «Прочь!», – шёпотом, чтобы не разбудить детей, упорствовала женщина, цепляясь за детскую люльку в попытках скинуть с себя обхватившую фигуру.

– Ты, Паша, не смотри, что больше не холопка! Отец помер. Теперь барщину на меня отработываете, значит, мои! – Иван Ильич стиснул набухшую от молока грудь Павлы, раскрывшей было рот, и грубо вжал её в стену.

«Мамка?..».

– Пошёл вон, стервятник! – уже громче, с писком, потребовала Павла и, с трудом обернувшись, плюнула в барина. Звук от плевка отозвался ударом в голове Бориски, и ему показалось, что оплевали его, и возникло навязчивое желание протереть сухое личико.

Иван Ильич, как запрещённый законом кнут, которым бил крестьян в своём собственном, не отцовском, имении, схватил косу хозяйки и обмотал ею кулак. Искажённое злобой лицо покрылось морщинами. Рыкнув, как в плечо подстреленный охотником медведь, Лоскутов, дёргая за волосы на себя и в другую сторону, колотил низким лбом Павлу Климовну о бревно, пачкая его багровыми пятнами.

«Барин!..».

На распахнутых от страха детских тёмных глазках мальчика рвали одежду на его матери. От мученических возгласов заплакали близняшки, повертелась заснувшая возле брата после вечерних игр сильно утомлённая Тамара. Тело Бо-

риса сковало так же намертво, как сковал в объятиях барин тело беременной Павлы Климовны. В ушах ребёнка стучал хрипящий барский стон. Чувство непонимания, отчаяния и страха скребло его душу, как мать скребла ногтями руки Ивана Ильича, чтобы тот отпустил хотя бы сдавливающую голову косу. Крик младенцев нарастал вместе с плачем хозяйки и дрожью Бориса. Тамара, повернувшись набок, мирно посапывала.

Как ушёл от них барин, так убежала мать, захватив сарафан, в подсобку с соленьями и закрыла за собой дверцу в полу, чтобы не слышали дети её исступлённые молитвы, переходящие в смех сумасшедшего в самом охраняемом петербургском «жёлтом доме». И хотел Бориска броситься вслед, да не мог шелохнуться. К горлышку подступил ком, и мальчик задышал так тяжело, как если бы был болен чахоткой. Он уткнулся в плечо сестры и крепкой хваткой вцепился в руку Тамары, сопротивляясь вырывающимся из груди крикам. Борис кусал подушку, прокусил руку до крови и всё-таки заплакал, поникнув головушкой на Тамарин животик. Она повертелась, покрутилась и проснулась. Протяжно зевнув и потянувшись, девочка улыбочиво стиснула голову брата.

– Доброе утро, братец!

Ребёнок не отвечал, продолжая лить слёзы на сестринскую сорочку. Внезапным порывом Борис сжал края ночного сарафана так же плотно, как свои маленькие зубки и мокрые

глазёнки. Тамара, в удивлении поднеся к нижней губе указательный пальчик, быстро опускала и вздымала угольно-чёрные ресницы.

– Что ты, братец? Ты худо спал? Давай мамке расскажем? Она травушки заварит.

Борис поднялся на локти. Он был похож на маленького мученика, пока лицо его не исказилось страшной, совершенно не детской, гримасой.

II

Павла Климовна не покидала подпол до вечера. Не стихающие возгласы близняшек сводили с ума Бориса, просидевшего весь день на ковре под печкой в ожидании матери. Он закрывал уши, чтобы не слышать сестёр, и жмурил глаза, чтобы не видеть засохшую на бревне родную кровь. В темноте вместе с проскакивающими сине-красными огоньками всплывал образ по-волчьи скалящегося, беспощадно дёргающего взлохмаченную косу Ивана Ильича. Дополнял картину мокрый, сжимающий сердце звук плевка в барский лик.

Тамара бегала по двору, жизнерадостно гоня возмущённо кудахтающих куриц, поминутно вламываясь в дом, чтобы позвать брата побегать с ней и помочь залезть на высокую для неё, но достигаемую для Бориса ветку цветущей яблони. Борис отворачивался. К пяти часам Тамара начала беспокоиться.

– Ну братец, ну пошли играть! – девочка присела на колени, повиснув на братской шее. Он наконец посмотрел на сестру. Непонятная Тамаре боль завладела его взглядом.

– Томка, мамка не выходит. Мамку барин избил! Ты дрыхла, а она кричала! Громко кричала! И они... – Боря махал рукой в люльки, – они тоже вириждали! Томка, кабы я мог дрыхнуть яко ты!

– Братец, не мог барин мамку бить. Он добрый!

– Бил, бил, бил! Он ещё её... за волосы, к стене лбом... платье порвал, а потом...

Тамара прижалась к заколотившемуся в истерике брату. Она с тоской глядела на него, но не верила. «Плохо спал, приснилось. Барин добрый. Баре злыми не бывают».

Брань на улице. Ребята одновременно обернулись и побежали к окну. Тамара встала на носочки и подвисла на узком подоконнике, чтобы ничего не упустить из виду. Борис вытер глаза и потупил испуганный взгляд прямо – там барин бил Малушу, грозящую ему кулаком. А началось с того, что, заволновавшись отсутствием на воздухе хозяйки, Малуша последовала за проходящим мимо дома Алексеевых барином и, ничего не зная, но верно чувствуя, стала на него бросаться с проклятиями. Долго бил старуху Иван Ильич, пока та замертво не пала. Тамара в ужасе вскакивала, поражённо ахая. Борис задрожал и, осознав, что старуха больше не встанет, выбежал во двор. Тамара – за ним.

– Ненавижу! Ненавижу! Отомщу! Убью! Сожгу! – выкрикивал в слезах Борис вдогонку заливающимся смехом барину. Тамара упала у раздробленного черепа Малуши.

– Злой барин!.. – девочка схватилась за голову. – За что, братец?..

– Барам всё можно... сволочи!

Борис и Тамара, издавая всхлипы, обнялись. В доме мелькнул силуэт со свечкой. Запахло гарью. Дети, не разрывая объятий, обернулись на запах. Над деревянным домом с

разбросанным вокруг сухим сеном поднялся густой чёрный клуб дыма. Дом пылал ярким пламенем. К забору сбежались все соседи.

– Мамка! – хором крикнули дети.

На них из окна смотрела исхудавшая, больше не беременная, мать. Её опустившаяся грудь тяжело вздымалась. Женщина, закашливаясь и скатываясь по стеклу, три раза перекрестила Бориса с Тамарой. Павла Климовна исчезла, бездыханно упав на люльки навсегда замолчавших близняшек.

Дом горел быстро, перекидываясь на другие сооружения во дворе. Потушить пожар совместными усилиями крестьян удалось уже тогда, когда от всего осталось практически одно пепелище. «Это ведьма беду накликала!», – доносилось отовсюду. Мужики подхватили тело старухи Малуши и понесли к реке. За мужиками с криками и вилами последовала вся община, оставив Тамару и Бориса без какого-либо сочувствия. Отец застал дочь с сыном наедине с пеплом.

Степан Евдокимович, вернувшись из города, с нечеловеческим воплем ринулся в груды сожжённых останков. Дети с двух сторон припадали к батюшке. Он неразборчиво твердил что-то невнятное о рублях, о заначке, об украшениях, о каком-то особенном кольце подполом и о неизвестной детям Агафье, но ни слова о Павле и дочках. Степан покрутил головой и, не заметив никого вокруг, схватил детей за руки и потащил их к повозке.

– Тятя, куда мы?! – Борис отнимал руку и стремился назад. Тамара делала то же самое.

– Не дёргайтесь! Пока никого нет! – ругался отец.

В эту ночь Тамара много вертелась, но спала так же крепко, как и всегда. Борис отрешённо смотрел на звёзды, отыскивая в небе знак от мамы. На одной из остановок у трактира Степан прилёг отдохнуть рядом с сыном.

– Тятя, почему ты ничего не сделал?! Он мамку обидел! – мальчик сел. – Почему мы так просто уехали?!

– Чу! – Степан Евдокимович дёрнулся и замахнулся на ребёнка. Борис закрыл лицо ладошками. – Не возникай! Уехали с миром – не заметили, не вспомнили, а учинили бы скандал – тут же бы в речку кинули! – отец представил себя на месте Агапа. – Запомни, у кого власти больше – тот и сильнее, а кто сильнее – тот и прав. С правым толковать себе дороже! Никогда не спорь с сильными, сын, береги свою шкуру, а о чужой пусть сами пекутся.

– Тятя, он же мамку...

Степан дал ребёнку подзатыльник.

– Заладил! Другая мамка появится. Главное, что живыми выбрались!

– Тятя, как это – другая мамка?..

– А так! Сколько этих баб маячит? Выбирай, какую хочешь! – отец одёрнул себя. – Чего с мелюзгой глаголить?

Не раз за ночь в пути поминал Борис этот разговор.

III

Через несколько лет скитаний по холодным баракам вместе с детьми и новой женой, Агафьей Мирославовной, Степан Евдокимович переехал в собственную однокомнатную квартирку, которую смог себе позволить после становления среднеквалифицированным рабочим. Статус обязывал пропадать на заводе ещё дольше и, следовательно, уделять ещё меньше времени Борису, невероятным образом забывшему о своей матери всё, кроме того, что она у него была, с Тамарой. Они не ходили в земскую школу, так как семье требовались деньги на обеспечение растущих потребностей мачехи. Десяти и восьмилетние дети зимой бегали по всему городу, раздавая газеты. Иногда им не доставалось газет, так как детей, как они, было много, и Борис с Тамарой просили милостыню. Так они поменяли много церквей, потому что спустя пару дней попрошайничества толстые попы в шубах гнали брата и сестру взащей. По их словам, своим изнурённым видом они портили церковный пейзаж. Борис не ввязывался в споры, но Тамара не отчаивалась – боролась за справедливость. Порывы маленькой девочки смешили священнослужителей и особо богатых прихожан. Под общественные насмешки ребята покидали церковь.

– За что они нас гонят, Боренька?! Как такие люди могут служить Богу?! Неужели Богу это нравится?!

– Не связывайся, Тома, – отмахивался мальчик.

– Бог их не видит? Почему он ничего не видит?! Чем мы хуже этих толстых барынь и их уродливых мужей?..

В тысяча восемьсот восемьдесят восьмом году из ссылки вернулся сводный брат мачехи Бориса и Тамары Мартын. (Десять лет назад его отправили в Сибирь за революционную агитацию среди крестьян.) Тамара, всё больше интересующаяся вопросом социального неравенства, много общалась с грамотным Мартыном. «Он умеет умножать до семи!», – дивилась девочка. Мужчина приходил в гости через день. Он много рассказывал о своей деятельности, о трудах Маркса и Энгельса, о коммунизме в целом. Тамара с замиранием сердца ожидала новых историй о том, что Мартын называл *революцией*.

Первая часть.

I

В тёмном помещении, больше похожем на чулан или даже заброшенный хлев, теснились люди в серых картузах; духота и сырость вынудили всё живое в комнате снять головные уборы и использовать их в качестве подручных вееров. От рассматривания потолка присутствующих отвлек скрип железной двери, приделанной к косяку буквально столетней давности. Вошла гордого вида женщина тридцати трёх лет. Одежда её совсем не годилась для дамы: сильно мешковатые штаны, замыкающиеся на талии широким ремнём с бляшкой, подвергшейся коррозии, и балахонистая рубашка скрывали всё женское. Пожалуй, только аккуратная укладка и мягкие черты лица вкупе с пронизательными и выразительными карими глазами выдавали её половую принадлежность. За женщиной менее уверенно следовала совсем молодая, приглушённо вздыхающая, девушка в дорогом шёлковом платье с воротом по самое горло. Внешность её была приятной. Юное лицо не портили ни тонкие поджатые губы, ни мёртвенная бледность, ни некрасивая костлявость, просматривающаяся даже сквозь скрывающее тело платье. Звонкий свист и гадкий хохот рабочих и крестьян заполнил

пространство.

– Что за рёв?! – женщина постарше возмутилась. – Не ка-
бачных шлюх встречаете! – она занесла испачканный землёй
кулак над столом, и раздался гулкий стук. Гогот стих.

– А ты чего ждала, Тома? – с украденного из какой-то
усадыбы стула поднялся некто лысый, но с лохматыми уса-
ми. – Небось барская-то фифочка, а? – последовала новая
волна общественной реакции после неоднозначного жеста
говорящего.

– Заткнул бы ты свой рот, Толик, – Тамара смерила хмык-
нувшего Анатолия недовольным взглядом. – Она теперь со
мной, – молодая девушка молча пряталась за натянутой спи-
ной Тамары. – Назовись.

– Катерина, – юная дворянка почти шептала, со страхом
озираясь по сторонам.

– Дамочке надоело бездельничать и тиранить простой
люд? – выкрикнул с края интересной внешности человек: его
лицо украшал шрам, проходящий через всю правую щеку,
нос, определённо не впервые, был разбит, а волосы – седые,
хотя мужчине было от силы сорок лет. Звали его Тихон.

– Бу! – Катерина взвизгнула от неожиданного выкрика и
последовавшего за ним щипка за бока. То сделал стоящий у
двери рабочий с выбитыми верхними зубами.

– Я с вами разбираться не стану, вы меня знаете! – из
широкого кармана Тамара вытащила пистолет и, сняв его с
предохранителя, навела на напугавшего дворянку рабочего.

Он капитулирующе поднял руки вверх.

– Тома, что за шутки! – всё тот же рабочий в страхе быть умерщвлённым продолжил: – Мы боремся с угнетателями крестьян и пролетариев, а ты этих крыс из ихнего логова к нам тащишь?!

– Мы боремся с тиранами, а не с беззащитными девками, – женщина опустила оружие. – Ещё раз, Антип, и я выстрелю. Если ещё хоть кто-то решит нарушить дисциплину, то получит пулю в лоб. Ясно? – она обвела взглядом остолбеневших людей.

Глухую тишину Тамара приняла как положительный ответ. Убедившись в том, что все её внимательно слушают, она, опёршись о серую стену, заклеенную газетами с последними новостями, с энтузиазмом заговорила:

– Что ж, коли разобрались, начнём. Неделю назад произошла опала группы Коломенского...

– Тома, Гришки нет, – заметил один из мужчин.

– Зарезали твоего Гришку. Как собаку, – раздражённо процедила Тамара. – А будешь перебивать... – она сощурилась и продолжила: – Про Коломенского. Так, товарищи, и до нас недалеко, – она отстранилась от опоры, прошла напрямиком к столу и села за него лицом к публике. – Необходима демонстрация... Тихон, что у тебя в Ёрге?

Пока крестьянин, поглядывая на скрестившую руки блондинку сзади, читал что-то вроде доклада о своей деревне, готовящей бунт против помещика Игнатьева, дверь вновь

отворилась. Вошёл весьма, без преувеличения, приятной наружности уже не слишком молодой мужчина. Он докурил дешёвую сигарету и стряхнул пепел на порог. Распрощавшись с ещё дымящимся маленьким свёртком с табаком, он облокотился о дверной косяк и, задорно улыбаясь, почесал гладкий подбородок, а затем скрестил сильные руки. С усмешкой он спросил:

– Без меня строите заговор?

В нём не было ничего выделяющегося, кроме красивых тёмно-карих глаз: усы и причёска по моде, скулистые щёки, немного смуглая кожа. Не имелось на его лице и шрамов или рубцов от оспы, которой он, судя по всему, никогда не болел. Однако было в его внешности что-то демоническое и невероятно притягательное для прекрасного пола.

– Ты опоздал, Боря, – исподлобья произнесла Тамара, недовольно оглядывая снизу вверх Бориса, примечая его грязную обувь и неаккуратно, наспех, заправленную рубашку.

Воспитанием пасынка и падчерицы Агафья Мирославовна занималась мало. Вместо этого она регулярно приводила любовников в квартиру. Денег она, в то же время, требовала больше и больше. Все свои Степан Евдокимович отдавал ей. Чтобы прокормить себя, Борис и Тамара тоже были вынуждены пойти на завод. Мальчика взяли сразу, но у Тамары возникли неполадки, вскоре разрешившиеся. Чтению Борис выучился только в четырнадцать лет по требованию хозяи-

на фабрики. Для девочек это требование не было обязательным, но Тамара слёзно упрашивала брата обучить грамоте и её, чтобы понимать газеты и записывать стихотворения бывших ссыльных, к которым она скоро пристрастилась по совету Мартына. Тамара хорошо помнила, как она, двенадцатилетняя, после восьмичасовой смены (смена взрослого – на три часа дольше) в обморочном состоянии валилась с ног и всё равно бралась за книгу. Почти то же делал Борис (брат читал меньше), но сейчас он редко вспоминал о прошлом – настоящее заботило его значительно сильнее.

– Допрашивали одну прелестную барышню, сбежавшую от мужа, – вместе с Борисом засмеялись и остальные.

– А хорошо вы устроились! – весело процедил хриплый старик.

– Они устроились-то, может, и хорошо, а мы до сих пор прячемся по подвалам, – работница демонстративно закатила глаза. – Сволочи жандармские куда ни плюнь, Ёрга молчит. Что там происходит, Тихон? Ты не договорил, – женщина сверкнула глазами на Бориса.

Он же на это не обратил никакого внимания, увлѣкшись бесстыдным разглядыванием Катерины, безустанно теребящей почти сомкнутыми пальцами длинную юбку. Он задержал бессовестный взгляд на вздрагивающем подбородке и удовлетворѣнно хмыкнул.

– Томе... да хоть моей Маруське господская, конечно, в подмѣтки не годится, – стоящий по соседству острым локтем

ткнул Бориса и подмигнул ему. – Но на вечерок сойдёт... Отвадить бы от неё твою сестрицу, да ка-ак...

– Закатай губу, Плешивый, – недовольно буркнул Борис. – Даже такая не по твоим гнилым зубам.

– Не хватало ещё «любо-нелюбо» у неё спрашивать...

– Плешивый, ещё слово, и я тебе брюхо вскрою, – раздражённо подытожила Тамара, не отворачиваясь от говорящего Тихона.

– Тома, для чего нам готовить мятеж? – статный светло-волосый юноша, самый молодой и опрятный из всех, мечтательно наблюдал за летающими комарами. Ему не было интересно, кто эта загадочная, пошатывающаяся от паники и приведённая Тамарой девушка, но всё же он опускал на неё оценивающий взгляд.

То был Самойлов Дмитрий Дмитриевич, сын царского офицера, которому покровительствовал сам Щербаков – сын зажиточного крестьянина, разбогатевшего на спекуляции водкой после отмены крепостного права. Щербаков младший спонсировал революционную организацию Тамары и Бориса. Никто из входящих в её состав не понимал, отчего их благодетель доверяет дворянскому сыну, явно не заинтересованному в падении режима, однако идти откровенно против своего кошелька никто не решался. Не забылось, что Щербаков многим помог как предводителям (к примеру, выделил им конспиративную двухкомнатную квартиру, которую оплачивает), так и рядовым участникам (обеспечи-

вал едой, оружием и прочим). Щербаков Олег Владимирович немало потратил и на взятки полиции, чтобы та закрыла глаза на существование объединения.

К Дмитрию Дмитриевичу относились настороженно. Тамара была наиболее категорична – она совершенно не доверяла юноше и при любой удобной возможности проверяла его, как она сама это называла, «на вшивость».

К примеру, двумя месяцами ранее она отправила Дмитрия возглавлять отряд, собирающийся совершить покушение на владельца одной из фабрик. Стоит сказать, что справился он почти успешно. В самый последний момент выяснилось, что буквально час назад фабриканта Позднякова застрелила другая «банда» – Коломенского.

– Что значит «зачем»? – сощурившись, недоумевавшая Тамара выгнула и так дугообразную бровь. – Выйдем мы – за нами другие. За Ёргой последует Игнатьево, за ними – Тютнево, Сокольское. Зачем! – женщина возмущённо всплеснула руками.

– Есть другие, более мирные, способы. Почему просто не договориться с фабрикантами? Найти компромисс, – Дмитрий поймал на себе удивлённый взгляд Катерины. Он ласково улыбнулся, отчего щёки дворянки запылали, и покосился на Бориса. Она смущённо кивнула так, чтобы никто не заметил.

Однако заметил брат Тамары, не прекращающий наблюдение за Катериной в отличие от других, делающих немые

ставки на реакцию Тамары на слова дворянина. Волнительное воздействие, оказанное на девушку вследствие зрительного контакта с Дмитрием, мужчина воспринял ревностно, недовольно. Отчего-то он решил, что ни в коем случае не уступит *эту* девушку, ничем, собственно, не отличавшуюся от остальных женщин Бориса, заносчивому мальчишке. Не нежность, а злость охватила его.

Борис никогда не был склонен к глубоким и продолжительным чувствам к женщинам, независимо от наличия или отсутствия в них тех или иных качеств, в которые обычно влюбляются. Впрочем, он моментально возгорался пылкой мимолётной страстью к каждой более-менее привлекательной особе.

Для него не существовало идеала. Будь то хиленькая брюнеточка с розовыми щёчками, пылающими то ли от мороза, то ли от жарких комплиментов, или очаровательная плотная блондинка с искрящимися глазами; благородная ли барышня со знанием трёх языков или крестьянка, не знающая алфавита; статная ли дама за сорок или незрелая курсистка, – он любил всех одинаково горячо и одинаково недолго.

Тамара не одобряла безразборных увлечений, но, каким бы она ни являлась авторитетом для брата, именно с его одержимостью и беспримечной похотью к слабому полу бороться была не в силах.

– Не зли меня, Дима. Не вынуждай портить отношения с Щербаковым, – Тамара поджала губы.

– Тома, вы всё обсудили? – Борис отстранился от стены и размял затёкшие плечи. – Уже поздно, на работу скоро, а я устал.

– А ты поменьше беженок допрашивай. Авось и уставать перестанешь? – Тамара беззлобно улыбнулась нахмурившемуся брату, которого хлопали по спине скалящиеся мужики. Лишь Катерина и Дмитрий сохранили молчание, потупив взгляды в пол. – Но расходиться действительно пора.

Из подвала удалялись не одновременно. Люди выходили с промежутком в пару минут, чтобы не вызвать вопросов у полиции.

– До свидания, Катерина, – Дмитрий оставался последним, не покинувшим зал. Юноша сдержанно поклонился и поцеловал хрупкую ладошку оробелой девушки. – Мечтаю о новой встрече.

Борис злобно наблюдал за картиной.

– Катя, тебя поселю в своей комнате, – заявила женщина, когда все наконец разошлись.

– А почему в твоей? – Борис устало потянулся и сверкнул красивыми зубами. Напуганная Катерина сильнее спряталась за спиной закатывающей глаза Тамары.

II

В северо-западном регионе Российской Империи летом в поздний час светло. Грязные улицы, по которым безостановочно бегают мыши, полны горожан как почётных, так и не очень. Давно отпущенные рабочие прогуливались до кабаков, а более знатные и богатые, свободные в любое время суток, кроме ночи, – до домов терпимости.

По дороге, состоящей из песка и ям, двигались Тамара с Борисом. Посредине шла Катерина, оглядываясь по сторонам в надежде встретить знакомые лица, которые, как она считала, непременно вступятся за неё, заберут к себе, а всё подполье и их главарей сдадут властям. Но откуда было взяться таким благодетельным знакомым, если Катерина никогда не выезжала дальше своего поместья с прилегающей деревней и некоторыми усадьбами по соседству? Да даже если бы и выезжала, то разве ходят её уровня знакомые по закулкам, где обитают такие, как Борис и Тамара?..

На тройку с непониманием косились прохожие. Их не удивлял мужчина, очевидно местный, не удивляла и очевидно местная женщина, но девушка?.. Слишком дорогое одеяние вызывало безмолвные вопросы.

Бориса узнавали легкомысленного вида девицы, вызывающе поправлявшие то чулки, то бюст:

– Бориска, давно нас не навещал! – хихикнула изрядно

выпившая блондинка в жёлтом платье с открытыми плечами.

– А когда ему? Смотри, какую кралю отхватил! – весело пропищала вторая, в бело-розовом платье, безвкусно облепленном маленькими бантиками по всей пышной юбке.

– Да ведь ни кожи, ни рожи! – третья дама весьма пышных размеров в зелёном подбежала к Катерине и защипала её за бока и бёдра, пугая дворянку. Все три женщины бестактно захохотали, вызывая лучезарную улыбку у Бориса.

– Давайте-давайте, топайте! – Тамара рассерженно отгнала девиц, как мух, от Катерины. – Потом вдоволь наобщаетесь!

– А ты, Томочка, тоже к нам бы шла. Такая мордашка пропадает! – они снова засмеялись и, не стихая, продолжили путь.

– Отпустите меня, пожалуйста, – бесшумно, опустив голову, произнесла Катерина.

– С ними? – вскинула бровь Тамара. – Как же тебя отпустить? Ты же своим доложишь, а нас повесят. Нет, пока отпустить тебя не получится.

– Зачем же Вы меня ещё *тогда* не убили? – на светло-голубых глазах блеснули прозрачные слёзы. Глухой голос вздрагивал. – Отпустите, прошу. Никто ни о чём не узнает.

– Дорогуша, у меня на тебя слишком большие планы, чтобы так просто отпустить, – на лице Бориса промелькнула хитрая усмешка. Катерина, запрокинув голову, внимательно

всмотрелась.

– Ты... – она побледнела. – Моя мама... – и начала задыхаться. – Чудовище!

Картина воскресного утра застыла перед барышней. Её ровный зуб не попадал на второй. Животная ненависть к Борису охватила её.

– Да... – со вздохом протянул он. – Красивая была женщина.

Девушка, дрожа, кинулась на мужчину и думала вцепиться ему в лицо острыми ногтями, но её руки перехватила Тамара. Со смехом Борис сделал шаг назад от Катерины.

– Отпусти! Отпусти! – истерично кричала Катерина, отпугивая от себя пьяных прохожих. Повторив попытку освободиться ещё несколько раз, она опустилась на колени и разрыдалась. Тамара ослабила хватку. – Господи, за что ты посылаешь эти испытания! За что милуешь сих безбожников! – Тамара надменно посмотрела на русую макушку.

– Ну всё, всё. Вставай, – Борис, закатив глаза, потянул Катерину за руку.

– Не трогай меня, чудище.

– Это ты сейчас так говоришь. Придёт время – просить будешь.

– Довольно, Боря. Перебираешь, – работница грозно взглянула на мужчину. Он замолчал и за всю дорогу больше не произнёс ни слова. – Тебе, Катя, нужно сменить одежду. Слишком выделяешься.

III

В гардеробе Тамары имелась всего одна пара брюк и одна длинная юбка, которую она обычно надевала на встречи с Щербаковым (он не раз предлагал купить ей хорошую одежду, но она всегда отказывалась под предлогом того, что соратники неправильно растолкуют их отношения). Именно эта потрёпанная юбка из самой дешёвой ткани и старая рубашка Бориса были отданы несчастной Катерине. Платье же её Тамара забрала, пообещав возвращать его по мере необходимости (на вопрос когда наступит эта мера ответ Катерина, конечно, не получила).

Поселили Катерину в комнату Тамары на не самое приглядное ложе – пол. Как подушка была дана скомканная простыня, давным-давно поеденная молью. С одеялом дела обстояли лучше – в комнате Бориса их нашлось целых два.

Квартира была относительно хорошо обставлена (в основном украденными из разгромленных квартир вещами). Площадь полностью оплачивал Щербаков. (До облавы она была местом встречи так называемых подпольщиков. Олегу Владимировичу удалось подкупить начальника полиции, и квартиру больше не осматривали. И пусть она стала непригодной для собраний, Щербаков оставил её родственникам Алексеевым.) Дорогая посуда и мебель были приобретены также им.

Уже наступила глубокая ночь, и Катерина, проплакавшая

всю дорогу, заснула мёртвым сном. Тамара и её брат сидели на убранной кухне, обсуждая итоги собрания и дня.

– Зря ты так с матерью. Трудно было просто воткнуть нож и уйти? Сколько времени из-за тебя угрохали!

Борис, откинувшись на спинку стула, от скуки поглядывал то в потолок, то на стену.

– Не провоцируй её больше, – с упрёком приказала Тамара и покачала головой. – Дурные сны сегодня будет видеть.

В его голове будто что-то щёлкнуло после этой фразы, и он, без эмоций, повернул голову к сестре.

– Мне, конечно, очень интересно слушать твой бубнёж, – мужчина приподнялся, – но у меня, кажется, появились неотложные дела.

– Ты скоро.

– Не уверен.

– Это был не вопрос, – женщина ухмыльнулась.

Борис уверенным шагом направился к комнате Тамары. Подойдя к двери, он дёрнул за ручку. Раз. Второй. Дверь не поддавалась. Чертыхнувшись, мужчина вернулся на кухню. Тамара стояла у тумбочек, опираясь о них руками.

– Закончил дела? – после смешка раздался звонкий хруст затёкшей женской шеи.

Борис, отчего-то улыбаясь почти как сытый кот, подошёл к сестре и буквально навис над ней, положив свои руки за её выгнутую спину. Заглядывая в её довольное лицо, он по-

лузашептал:

– Как догадалась?

– И сдалась же она тебе? – Тамара игриво хмыкнула. – Ты же ей в отцы годишься.

– Так и в отцы?

Их лица находились друг к другу близко настолько, что за любым резким и не очень движением неминуемо последовало бы соприкосновение распалённой кожи, но Тамара намеренно избегала этого движения, кокетливо покачивая головой.

– В два раза старше.

– Всё в старики меня записываешь?

Взгляды были прикованы друг к другу. Мельком Борис опустил глаза на полураскрытые сухие губы и снова поднял их на плутовато блестящие зрачки.

– А кто же ты? Молодишься, как старик: ни с того ни с сего бороду сбрил, волосы зализал... – расслабленно Тамара прошлась кистью по подбородку брата. – Небось под Горького подделываешься?

– Может и подделываюсь, – он ловко перехватил скользящую ладошку. – Тебе же он нравится?

– Может и нравится.

Тамара озорно отвернула голову так, что лёгкий поцелуй пришёлся не в губы, а в нижнюю часть скулы.

– Я спрашивал, как ты догадалась, что я пойду к ней, – второе влажное касание было к шее.

Женщина, лукаво улыбаясь, выскользнула из полуобъятий Бориса и заняла прежнее место за столом. Борис поступил так же.

– Что же, не знаю я тебя? Планы он большие построил, – работница передразнила заявление брата на улице.

– Тебе настолько жаль её? Дочь угнетателей?

– Во-первых, я уже говорила, что мы не с молодыми девками боремся, – взрослых же, закоренелых помещиц, она считала ненужными для революции существами. Из них, по её мнению, ничего полезного выжать было нельзя. – Во-вторых, у меня тоже на неё планы.

– Какие же?

– О, однозначно великодушной твоих.

IV

– Сохранила я ей жизнь в первую очередь из-за нецелесообразности её смерти. Позже мне пришла в голову идея. Что, если нам её использовать... хватит улыбаться, Боря. Так вот, что, если нам её использовать в качестве информатора?

– Информатора? – Борис изобразил удивление. – Зачем и каким образом?

– Это очень рискованно, но её нужно свести с царскими. Или с кем-нибудь из подполья, кто мог бы донести...

– Намекаешь на хвостик Щербакова?

– Да. Заодно проверим его. Завтра за обедом отправлю Олегу телеграмму, чтобы после нашей смены они зашли в гости.

– И что ты хочешь передать?

– Пока ничего. Сейчас нужно протоптать почву. Дима и Катя должны сблизиться, но так, чтобы они оба ничего не заподозрили.

– Расскажешь Щербакову?

– Что за глупый вопрос? Он возится с мальчишкой, как с родным сыном.

Наступил долгожданный обеденный час. Рабочие собрались в столовой: мужчины сидели отдельно от женщин (того требовали правила фабриканта Сафронова, однако устраи-

вали они мало кого). На входе Тамара спешно передала письмо верному соратнику Губанову, – лохматому и очень крупному угольщику.

- Щербаков должен получить его в кратчайшие сроки.
- Устрою.

Вторая часть.

I

После смены Тамара нарядилась в лучшую одежду: в единственную юбку, которую забрала у Катерины, и белую рубашку, одалживаемую у подпольщицы Зои. Дворянке, как и было обещано, на время возвратили выходное платье (она думала, что его уже продали).

Стол был накрыт чистой жёлтой скатертью, сотканной женой Тихона, и подаренной им на тридцать первый день рождения Тамары. Вода уже закипела, ваза с конфетами ждала своего часа.

– Их нужно будет оставить наедине. Я с Щербаковым буду в своей комнате, они – на кухне, – Тамара бегала туда-сюда, поправляя то стулья, то цветы на подоконнике.

– А мне что прикажешь делать? – Борис стоял с недовольным лицом, опёршись о дверной косяк.

– А ты будешь подслушивать и следить, чтобы она не взболтнула ничего лишнего.

Когда со стороны входной двери послышался первый стук, Тамара поцеловала брата в щёку и выбежала со словами: «Зови Катю».

– Здравствуй, Томочка.

Первым зашёл хорошо сложенный, хотя и с проглядывавшим животом под серым костюмом, мужчина пятидесяти лет с полуседой бородой. Он сразу протянул Тамаре коробку, перевязанную синей ленточкой. Женщина широко улыбнулась, принимая подарок:

– Олег Владимирович, я просила ничего не брать для меня, – ласково произнесла она.

– Я предвидел, что ты снова наденешь эту ужасную юбку, поэтому решил прикупить менее ужасное платье.

Щербаков не был ни дворянином, ни купцом, ни даже разночинцем. Как упоминалось, происходил он из бедной крестьянской семьи, разбогатевшей на спекуляции водкой в самые первые годы после издания главного манифеста эпохи Александра Освободителя. Поначалу было непросто. Приходилось ездить из города в город в поисках приемлемых цен на алкоголь, а после – искать деревни, где на этот же алкоголь цены завывшали. Но дело оказалось прибыльным. Щербаковы преждевременно выплатили оброк и уехали подальше от своей волости.

Когда Щербаков стал полностью дееспособным, отец начал посвящать его в дело. К тому времени они уже обзавелись несколькими винокуренными заводами (к месту упомянуть, что после реформы о государственной монополии заводы стали сыроваренными), продукция которого быстро расходилась по имениям благороднейших фамилий.

С одной из таких фамилий двадцать с лишним лет назад Олег Владимирович установил крепкие отношения и даже закрутил роман с женой хозяина дома. Отношения их продлились недолго, так как супругами было принято решение перебраться на постоянное жительство в Швейцарию. Приглядывать за помещьем уговорили Щербакова. Дело непростое, поэтому с позволения хозяев Олег Владимирович переехал в их имение близ ...й губернии. Ежемесячно он отправлял супругам выручку с их хозяйства, а свою долю, тридцать пять процентов, получал обратно.

Полгода назад, то есть через двадцать один год после заключения сделки, к Олегу Владимировичу был отправлен сын хозяев, Дмитрий, с письмом от его матери, содержание которого Олег Владимирович и по сей день никому не раскрыл. С первых дней знакомства с Дмитрием Щербаков высоко оценил способности юноши и начал брать его с собой на все сделки, чтобы тот набирался опыта.

– Здравствуй, Борис, – обрадованный встречей мужчина крепко пожал руку молчащему рабочему.

– Олег Владимирович, что же твой ученик не заходит? – приветливо спросила Тамара, чертыхаясь про себя.

– И правда! Дима, что ты у порога топчешься?

Из кухни робко выглянула Катерина в тот момент, когда Дмитрий закрывал входную дверь. Увидев девушку, он, улыбаясь, кивнул. Она поступила так же. Тамара это заметила и почти скороговоркой сказала:

– А ты, Олег Владимирович, давненько не заходил. Пойдём в мою комнату, я новый цветок купила. Пойдём, пойдём. Они нас на кухне подождут.

Тамара подхватила мужчину под руку и повела в свою комнату. От неожиданности Щербаков успел только открыть рот и вопросительно глянуть на сдерживающего смех Бориса.

Между Борисом и Дмитрием, оставшимся наедине в коридоре, возникло немое напряжение. На самом деле, история их взаимной неприязни началась отнюдь не вчера и не из-за переглядок юноши с пленной дворянкой.

Отца и беременную мачеху Алексеевых вместе с двумя их мальчиками пяти и семи лет задавила на Ходынском поле обезумевшая толпа в день воцарения царствующего поныне Императора. В тот год Тамара и Борис уже работали на заводе и получили в наследство от отца, среднеквалифицированного рабочего, малюсенькую, но свою квартиру (её пришлось оставить после первого конфликта с властями).

Уже тогда Борис и Тамара состояли в объединении местных рабочих. Авторитет Тамары был невелик, и многие мужчины позволяли себе нелюбезные шутки в её адрес. Борис никогда не заступался за сестру, боясь получить по затылку. Чтобы улучшить репутацию, женщина пошла на рискованный шаг. Однажды, вместе с Борисом и самодельной бомбой, она отправилась к дому городского главы. Покушение прошло успешно. С этого времени условный карьерный

рост Тамары и её брата, всё покушение бесцельно пробежавшего из стороны в сторону, пошёл в гору.

В середине седьмого года нового века Тамара возглавила манифестацию местных рабочих, где её и заметил Щербаков, прибывший для переговоров с крупным фабрикантом и работодателем Тамары. Разумеется, демонстрация не обошлась без жертв, но немалой суммой Олег Владимирович, ценивший борьбу за свободу и отметивший потенциал Алексеевых, освободил Тамару и Бориса из-под ареста и от грядущего повешения.

Через месяц, когда страсти улеглись, Тамара огласила своё желание создать новую организацию борющихся рабочих под её и Бориса предводительством. Щербаков видел немало: и как фабрикант выгонял «папиросниц» (то есть женщин на табачном заводе) зарабатывать на улице, если им не хватает денег, и как от голода рабочий упал на горячие угли, и, оставшись инвалидом, был с позором уволен. Он, наслышанный о смерти родного дяди от ста ударов плетью и не желавший повторения сего в остальных семьях, поддержал инициативу.

Ещё через полтора года заседания организации на конспиративной квартире были раскрыты. Щербаков вновь дал взятку, но уже с условием, что прибывший Дмитрий, господский сын, будет участвовать в заседаниях.

После первого же собрания Дмитрий отправился на прогулку с миловидной барышней, которую через полчаса у

него отбил Борис. Дмитрий был оскорблён, но «не стал мараить свою честь дуэлью с безродным». Однако удовлетворить внутреннюю обиду он считал необходимым. Уже через неделю другая дама, примеченная Борисом, провела ночь в квартире Дмитрия. С того дня между мужчинами объявлена негласная война.

Как только Дмитрий переступил порог кухни, Борис неохотно произнёс:

– У меня ещё остались дела.

Катерина облегчённо вздохнула, когда мужчина покинул столовую, и расслабленно села на стул, молча приглашая юношу присоединиться.

Олег Владимирович неуверенно занял место на кровати.

– Томочка, что это было? – Щербаков ошарашенно следил за каждым движением ходящей из угла в угол женщины. Она остановилась и обернулась.

– Подумала, что молодым хорошо познакомиться, – твёрдо, но с улыбкой отчеканила Тамара. Ей было необходимо перевести тему и, пока Щербаков не опомнился, сказала: – Насчёт платья...

– Нет, нет. Ничего не хочу слышать. Твоя юбка, – он поджал губы, – никуда не годится.

– Это навредит моей репутации революционера, Олег Владимирович, – Тамара присела на краешек стола напротив Щербакова. – Платья обычно дарят любовницам, а не под-

польным лидерам.

Щербаков покраснел, как маленький ребёнок, и начал, заикаясь, оправдываться, провоцируя задорный смех Тамары, покачивающей свисающей со стола ногой.

– Ты мне лучше скажи, откуда такая особа? – почти без тени смущения спросил мужчина.

– Не слышал про бунт крестьян Головина?

– Не без вашей, конечно, помощи?

– А то, – довольно ответила женщина, весело качая головой.

– Н-да, Головин скверным был помещиком. Виделись с ним много лет назад, с тех пор лично дел не имели. Противно.

– Как раз перед нашим приходом конюха со всей семьёй выпороли. Жена его на сносях была.

– Слышал, слышал... – задумчиво протянул он, глядя в пол. – А девчонку зачем забрали?

– Понравилась, – хмыкнула Тамара.

– Борису?

– И ему тоже. Лежала под кроватью, как брат рассказывал, пряталась, плакала.

– Стало быть, просто пожалела?

– Не успела расправиться. А теперь... по хозяйству пригодится.

Олег Владимирович и Тамара молчали, иногда застенчиво переглядываясь. Им редко приходилось оставаться наедине,

но именно эти минуты они оба ценили больше других, не признаваясь в этом никому. Особенно друг другу.

– Неизвестно, где ей было бы лучше: *там*, – Щербаков многозначительно посмотрел в потолок, – или у вас.

Тамара согласно кивнула. «Да, – думала она, – смерть для неё удобней, – в ней зародилось не осознание, но беспокойство: – Так ли она мне нужна? – давно забытое чувство вины тихонько прокрадывалось в открывшееся для него сердце. – Для революции. Всё для победы, – но оно оказалось уже заполненным холодным расчётом».

II

Нервно выдохнув, Катерина скрепила руки замком и положила их на дрожащие колени. Дмитрий, казалось, не замечал её волнения и продолжал улыбаться. Вдруг Катерина заговорила на языке Марата и Робеспьера:

– Вы говорите по-французски?

– Да, – уже не по-русски произнёс Дмитрий.

«Чёрт», – Борис злобно нахмурился и сжал кулак, но продолжил подслушивать в надежде на то, что собеседники вскоре перейдут на родную речь.

– Вы не заводская, – Дмитрий с интересом ожидал реакции девушки.

– Я дочь Головина, – колени задрожали сильнее. Катерина опустила побледневшее лицо, скрывая проступившие слёзы. – Их... убили... вчера, – дворянка поставила острые локти на стол и быстро спрятала глаза. Она издала жалобный всхлип и заплакала.

«Я знал, что они идут в деревню. Знал и то, что они кого-нибудь убьют, но брать человека в плен и издеваться... Думал, они завербовали её, такую же повёрнутую на революции дворянку, но то, что это – Головина... Мог догадаться. Ну Олег Владимирович, ну уговорил сидеть с ними! Познакомился с трудящимся классом! Нужно вести себя осторожнее на собраниях этих бешеных. Вовсе туда ходить не стоит.

Не пойду. Бориса не боюсь, а вот Тамару... Да и её бояться не следует – за мной Щербаков. Это, конечно, хорошо, что я ему приглянулся как экономист».

Дмитрий больше не улыбался. Он помрачнел, вспомнив утреннюю статью о скандальной расправе крестьян с бывшими хозяевами.

В газете писали, как в воскресенье в девять часов утра в усадьбу Головиных ворвалась толпа грязных слуг. Про Тамару с Борисом упоминания не было по всей вероятности потому, что их не успела поймать полиция. Крестьяне же не сдали их по той причине, что видевших рабочих не осталось. Далее рассказывалось, как *«челядь принялась громить господский дом, пряча по карманам всё, что попадёт под руку. Несчастному Головину, всегда относившемуся с уважением к людям любого состояния, нанесли сорок колющих ударов по всему телу. Головина Лариса Александровна перед смертью, по словам полиции, была замучена тремя или четырьмя батраками, после чего ей нанесли пять ударов ножом прямоком в сердце. Судьба их дочери, Катерины Матвеевны, неизвестна. Вероятно, ей удалось бежать».*

– Катерина Матвеевна, – робко начал Дмитрий, – не найти таких слов, которыми я бы мог выразить Вам своё сочувствие. Мне, право, нечего сказать. То, что произошло... Милая Катерина Матвеевна, могу ли я чем-нибудь Вам помочь?

– Заберите меня отсюда! – Катерина в надежде раскрыла красные и опухшие глаза и подскочила со стула. Выглядела

она ужасно: её щёки вздулись, всё лицо покрылось кровяными сосудами. – Я прошу Вас, заберите! Я боюсь, мне страшно, я... я! – она кричала и плакала, плакала и кричала. На её крики сбежались все находящиеся в квартире. Дмитрий встал и попытался её успокоить, по-товарищески дотронувшись до плеча девушки.

У Катерины началась истерика. Она сползла на пол и безудержно замолилась. Щербаков и Дмитрий поднимали трясущуюся и непроизвольно стучащую зубами Катерину, пока Тамара что-то насыпала в чайник вместе с заваркой. Борис, стоя у порога на кухню, надменно смотрел на дворянку. Задыхающуюся Катерину с трудом посадили на стул.

– Подержите её! Олег Владимирович, Дима, вы – за руки. Боря, держи голову! – когда Борис крепко ухватил Катерину за подбородок, Тамара смогла влить в неё успокоительный отвар, приготовленный по рецепту жены одного из подпольщиков и подаренный Тамаре для борьбы с бессонницей.

Чай подействовал не сразу. Отбивавшуюся девушку, впавшую в полный бред, еле донесли до постели Тамары.

– Олег Владимирович, я через пару дней приду. Идите сейчас, пусть отоспится! Боря, проводи.

Борис бросил высокомерный взгляд на замешкавшегося Дмитрия и срочно выполнил поручение сестры.

В коридоре Дмитрий не проронил ни слова. Щербаков, торопясь, вместо прощания сказал рабочему:

– Борис, попроси Томочку в следующий раз надеть платье.

III

Четыре дня выдались тяжёлыми для Катерины. Справедливости ради, Тамара старалась создать для девушки все условия, чтобы та почувствовала себя лучше. Женщина ни на шаг не подпускала к дворянке Бориса и даже на несколько ночей уступила свою кровать (не из гуманистических соображений, а чтобы Катя не умерла преждевременно). Сегодняшний вечер Тамара обещала посвятить Щербакову, так как предыдущая встреча прошла не совсем удачно в силу известных обстоятельств.

Рабочая смена закончилась, и Тамара торопилась домой, чтобы исполнить просьбу Олега Владимировича. Она решила, что будет надевать его подарок только при личных встречах, без свидетелей. После работы Борис отправился по своим делам, поэтому положение Катерины Тамару не беспокоило. «Что же, она пару часов одна не посидит?». Работница искренне верила, что успеет вернуться домой до прихода брата.

Прихорошившись, Тамара с трудом натянула тёмно-синее платье с чрезвычайно неудобной застёжкой, с которой ей помогла разобраться более-менее пришедшая в себя Катерина.

– Да на кой я его надеваю?! Чёрт знает, как рассудит, – Тамара нахмурилась. – Развяжи это, Катя. Пойду в обычном.
– Тебе идёт этот наряд, – Катерина, смотря в пол, взвол-

нованно перебирала длинными пальцами.

– А коли наши увидят? Они голодают, а я в платьях барских разгуливаю? Платья-то не за подпольные заслуги дарят.

– Да ведь ты и так живёшь в квартире за счёт Олега Владимировича, некуда сквернее думать...

– А я живу, если ты не заметила, не одна, – Тамара недовольно прорычала. – Вот разобьём ваших, тогда и буду в платьях щеголять. Сама себе куплю, – женщина гордо подняла голову. – А ты, Катя, не зли меня. Пожалела, дала на пару дней свою постель... так ты сегодня снова на полу будешь спать. И потом тоже. А будешь плохо себя вести, так я тебя к Борису жить отправлю, а он деликатничать с тобой не будет.

Гневно Тамара смерила взглядом раскрывшую глаза Катерину, не впавшую в очередную истерику лишь из-за принятых ранее мер. Домашний отвар очень хорошо успокоил её нервы. Правда, как раз после этого чая она становилась равнодушной, податливой. Неприятные слова оставили горький осадок внутри, почти никак не проявившись снаружи.

Конечно, ни к какому Борису отправлять дворянку она не собиралась. По крайней мере до тех пор, пока Катерина не выполнит успешно часть плана, задуманного Тамарой.

– Ладно, не до болтовни мне, – работница натянула брюки. – Постараюсь вернуться до дождя.

Квартира Щербакова отличалась своими размерами. В ней было шесть комнат, столовая, две ванны и прочее. При-

слуга навещала Олега Владимировича редко. Он вообще старался не использовать человеческий труд в частных целях, но из-за загруженности не всегда успевал делать всё сам. Сегодня, к примеру, он был вынужден нанять уборщицу, чтобы не прослыть грязнулей в глазах Тамары.

В гостиной стояло фортепиано, на котором Щербаков не умел играть, но которое купил ради приличия. Также имелась виолончель, длинные полки с книгами, дорогая мебель и не менее дорогие картины. И хотя Олег Владимирович был не из тех, кто чахнет над своим богатством и старается вложить его в роскошное убранство собственного жилища, он любил красивые вещи. И хотя не забывал он о своих корнях, он желал бы, чтобы его окружение о них не помнило. Случалось, что дворяне отказывались иметь дело с крестьянским сыном, невзирая на то, что этот крестьянский сын нередко имел большее состояние, чем они.

– Проходи, Томочка.

С какой нежностью он следил за каждым движением Тамары! С невероятным энтузиазмом мужчина подхватил старенькое пальто и повесил его на ближайший крючок.

– Что же за лохмотья на тебе? Разве Борис не предупредил? – с досадой Щербаков отметил отсутствие синего платья на стене Тамары.

– Я уже объяснила, – она широко улыбнулась, – что платьев мне не надо, я не твоя любовница.

– А жаль, – буркнул себе под нос Олег Владимирович, на

что Тамара хихикнула.

Поведение грозной на первый взгляд работницы молниеносно менялось, как только рядом появлялся Щербаков. Из хмурой начальницы она превращалась в мягкую и отходчивую. Частенько подпольщики про себя молились, чтобы где-нибудь промелькнула фигура их покровителя.

Но она была слишком горда, чтобы признавать столь явные изменения. Вернее, она не желала признавать, что они связаны с меценатом. Ей действительно была приятна его компания, но она никогда не думала перейти на новую ступень в их отношениях. Она была яркой революционеркой. Она была мечтательницей. Она была, как сказал бы образованный человек, страшной утописткой. Тамара верила, что даже маленькая группа способна привести людей к лучшему будущему. К светлому будущему. К будущему без господ, без ущемлений кого бы то ни было, без вражды. Иногда, тем не менее, её посещала мысль, что многие учения, которым придерживаются почитаемые ей люди, чрезмерно идеалистические, но как бы она ни старалась, она продолжала следовать тем заветам, которые были прописаны в тех самых учениях.

Она не могла позволить себе потерять репутацию среди других рабочих. Она считала сплетни о себе, и обоснованно, непозволительными. Тамара боялась признаваться себе в чувствах к Олегу Владимировичу по той же причине. Дело было отнюдь не в морально-нравственном понятии «ре-

путации» для женщины. Это её совершенно не беспокоило. Она выросла не в тех условиях, чтобы такие мелочи её волновали. Нет. Она боялась показаться обеспеченной в чужих глазах. Богатство, по её мнению, должно быть заслуженным. Заслужила ли она его, если рабочих по-прежнему угнетают? Сделала ли она всё возможное, чтобы это остановить? Ответы она давала однозначные.

Щербаков же давно раскрыл для себя любовь к Тамаре. Она это видела. Все это видели. Однако никто не выдавал этого. Даже Борис не осмеливался отпускать шутки в адрес младшей сестры. Он боялся Тамару, смелеющую с каждым часом. Боялся храбрую, бесстрашную, мужественную женщину. Впрочем, много кто боялся. Только не Олег Владимирович. Каким-то чудным образом он сумел разглядеть в ней самую что ни на есть женственную и чуткую натуру. Хотя бывало, что и он робел перед Тамарой. Он не был глуп и понимал, что за большинство его ровесников юные девушки выходят замуж не по большой любви и не из искренних чувств. Не кажется ли он дряхлым и старым в глазах женщины, моложе на семнадцать лет? Не отвергнет ли она его, если он совершит попытку к сближению? Не потеряет ли он её после этого навсегда? Безусловно, нет. Она по-прежнему останется предводителем небольшой группы пролетариев, но разве важно лишь физическое присутствие человека?

– Слышишь, Олег Владимирович, дождь пошёл? – Тамара повернулась к окну. Мужчина вслушался.

– Такой нескоро кончится.

IV

В питейном заведении провинциального городка Российской Империи, как и в других таких городках, по вечерам не было ни одного свободного места, хотя и почти полное отсутствие свободы движения не уберегало хозяев от ущерба за битые бутылки и ломаные во время драк стулья.

Здесь же коротал свои вечера и Борис не в самой приличной, что не странно, компании. Не будет лишним уточнение, что алкоголь Борис употреблял нередко и с желанием, поэтому он часто становился свидетелем пьяных разборок, которые сам и провоцировал. Касательно компании, то её выбор принадлежал настроению рабочего. Чаше оно советовало общество мужчин из соседних фабрик, реже (но не слишком) – известных в заведении женщин, вальяжно разваливающихся на коленях Бориса и каждого другого, кто их подзовёт.

– Марфа – дрянь последняя! – говорил неприятной наружности человек, опустошая даже не третью кружку. Морщинистой ладонью он вытер тонкие губы. От засаленных волос и высокого лба отражался свет свечей.

Мужчина этот, Мирон, работал извозчиком и имел многолетний, как говорят дворяне, стаж. Его лошадь затоптала не одного пешехода; из его повозки вывалился не один чиновник. Остаётся загадкой, как его до сих пор не повесили

или просто не избили за ближайшим углом.

Борис был знаком с Мироном не так давно, но уже успел невзлюбить его. Не было ни одного существенного повода для личной неприязни, но это мало беспокоило Бориса, всегда полностью отдававшегося внутренним ощущениям и побуждениям. Ему непременно хотелось разозлить неутомимо ругавшего свою супругу извозчика, с которой он пару раз встречался.

– Зря ты так. Хорошая у тебя жена. Ласковая.

– Чего?

Борис удовлетворённо улыбнулся, когда Мирон привстал. Его глаза горели диким пламенем, а руки уже сжались в твёрдый кулак. Гул в кабаке немного стих.

– И такая послушная! Что ни попросишь, то и сделает.

За Борисом засмеялись его товарищи по заводу и остальные знакомые, имеющие те или иные счёты, коих было немало, с Мироном.

– Кстати, понесла она уже? – задумавшись, осведомился рабочий.

Выскочивший из-за стола извозчик схватил кружку и разбил её, оставив ручку с острыми краями. Скалясь, как бешеная собака, Мирон бросился на переставшего смеяться Бориса. Рабочий вылез со своего места, чтобы не быть зарезанным прямо на нём. Мужчина больше не веселился, подавшись внутренней панике.

Посетители трактира разделились на две части: за Миро-

на и против него. Вторые удерживали за руки рвущегося на Бориса извозчика. Союзники же Мирона били по голове заступников рабочего; те отвечали. Драка переросла в настоящее групповое месиво, в котором каждый был сам за себя.

Пока Мирон находился в самом центре клубка из дерущихся мужиков, Борис незаметно выскользнул из заведения и решил не посещать его ближайшую неделю или две.

В комнате Тамары не было книг. Хотя она часто листала Горького и теоретиков коммунизма, всё это приходилось брать у знакомых (чтобы при обыске у неё ничего не нашли). Лежали только газеты. За всё время, что Катерина провела в чужом доме, она перечитала их по несколько раз. Заниматься было нечем. Даже уборка и молитвы не отнимали достаточно времени.

«Я ведь так сойду с ума!». Катерина открывала ящики в комнате один за другим, ища ручку и бумагу, но находя то пистолеты, то ножи. Живя с родителями, она долго вела дневник, но в последнюю неделю ни времени, ни желания делать какие-либо записи не было.

В конце концов, отыскав необходимое, Катерина принялась записывать всё, что помнила с вечера субботы. К счастью или нет, к трагическому воскресенью перейти она не успела.

Дверь отперлась, и в комнату без стука вошёл Борис, навистывающий популярную пять лет назад песню Вяльце-

вой. По коже Катерины побежала мелкая дрожь.

Девушка с испугу подпрыгнула и вжалась в стол. От обречённости стучало в висках. Борис, усмехнувшись, молча прошёл внутрь. Одним движением руки отодвинув девушку от стола, он с интересом взял в руки лист бумаги. Бегло пройдясь по нему, он меньше секунды удивлённо смотрел на Катерину, затем с полуулыбкой шагнул к ней и хитро произнёс:

– Не боишься, что я расскажу всем про твои доносы? – Борис обошёл Катерину, обводя её с ног до головы сальным взглядом.

Катерина встревоженно сглотнула, когда Борис остановился прямо за её спиной. Большими напуганными глазами она беспомощно смотрела в стену.

– Это не доносы... – она тихо пролепетала. – Это для дневника... личного.

Борис рывком развернул Катерину лицом к своему лицу.

– А кто тебе поверит? – мужчина кончиком пальца приподнял вытянутый подбородок девушки. – Я – предводитель подполья, участник успешного покушения на городского главу... – он приблизился и, глядя прямо на Катерину, хрипло прошептал: – а ты – господская.

Сильной рукой мужчина обвил талию девушки и притянул дворянку к себе.

– Отпусти, – требовательно, но заикаясь, попросила она.

– Ай-ай, Томочка церемониться не станет – оставит на-

едине с толпой мужиков, а они тебя... – он сладко протянул, нарочно не заканчивая свою мысль. Катерина дёрнулась, но рука, сдерживающая её, сжалась ещё сильнее. – Не убежишь. Некуда, – мужчина едко захохотал. – Дура! Я пусть и не благородный человек, но даю тебе выбор: полюбовно или... – Борис провёл ладонью по натянутому позвоночнику. – А ты выкаблучиваешься.

– Это бесчестно! – девушка дрожала, словно осенний лист. Выхода не было. Катерина всплакнула и, понадеявшись на остатки порядочности в Борисе, сделала последнюю попытку спастись: – Я ведь даже не замужем...

– Тем лучше, – свободная тяжёлая ладонь легла на тёмно-русый затылок дворянки.

По стёклам били капли. Тамара значительно задерживалась. Как бы она ни хотела прийти домой пораньше, погода не позволяла ей того. Поджав колени под себя, абсолютно обнажённая Катерина уткнулась в них лицом. Натягивавший серую косоворотку без рисунка Борис раздражённо цокнул и закатил глаза:

– Ну, ну. Хватит рыдать. Не так уж и плохо тебе было.

– Ты женишься на мне? – Катерина, обнимая ноги, повернула растрёпанную голову к Борису.

– А ты хочешь за меня замуж? – он ухмыльнулся.

– Ты обязан.

– Я много кому обязан.

Мужчина потянулся. Усмехнувшись, он поцеловал вспотевшую макушку Катерины и направился к выходу.

– Рассчитываю на твою сговорчивость и завтра, – произнёс рабочий, закрывая дверь.

Боль как моральная, так и физическая, полное опустошение, стыд и злость завладели маленьким, но теперь взрослым телом Катерины.

– И завтра... – она закрыла лицо ладонями. – Он придёт опять, и опять, и опять... – навязчиво повторяла Катерина, мотая головой.

Недолго девушка сидела молча и про себя молилась.

– Папенька... маменька! – плач усиливался с каждой одной секундой.

Стремительно вскочив с постели, Катерина кинулась к шкафчику у окна. Она вытянула его до основания. Тихо скуля от боли и обиды, девушка порывисто выкидывала одну вещь за другой. Разворотив его, она бросилась к другой тумбочке, где час назад нашла письменные принадлежности. Вывернув тумбу, со дна Катерина достала карманный нож, – один из тех, что с собой носила Тамара.

«Не осуди, Господи!». Со всхлипом упав на колени, дворянка поднесла кончик холодного лезвия к выступающим на руке венам.

V

Щербаков приоткрыл дверь и галантным жестом пригласил Тамару внутрь. Она выпрямила спину и вошла как солдат. Мужчина, улыбаясь, заговорил:

– Приходите как-нибудь все вместе ко мне на квартиру.

Приглашение показалось Тамаре заманчивым. В гости непременно явился бы и Дмитрий, а значит, появится возможность познакомиться их с Катериной поближе.

– Дам Кате побольше чая перед выходом от греха подальше, – женщина усмехнулась.

Щербаков одобрительно кивнул и заботливо приложил к ладони работницы губы, не отрывая взгляда от Тamarы. Она в неприметном смущении склонила голову вбок. В глаза бросилась пара обуви Бориса. Женщина вытаращила карие глаза и прошипела:

– Чёрт!..

– Что такое? – взволнованно спросил Щербаков.

– Олег Владимирович, ты иди. Завтра увидимся, – мужчина частенько посещал своего приятеля на заводе, где работало всё подполье вместе с предводителями.

Тамара, не попрощавшись, едва не вытолкнула благодетеля из прохода.

Скинув с плеч мокрый плащ, работница побежала в свою комнату.

– Твою ж!

На полу лежала, свернувшись калачиком, голая Катерина. Из запястий обеих её рук сочилась кровь, а из светлых глаз – слёзы.

– Мамочки, Катя!

– Мамочка...

Мимо проносились воспоминания о беззаботном детстве. Родители, животные и слуги, которые, как всегда казалось, обожали маленькую резвую Катерину.

Отец часто ругал её за подвижность, ведь, по его мнению, будущей женщине не подобало носиться по саду или играть с крестьянскими детьми. Он настаивал на консервативном воспитании, но Кате чудесным образом удавалось сбегать из-под присмотра вечно спящей старой няни (за леность впоследствии хозяин сильно её выпорол и со скандалом освободил от доверенной работы).

Лариса Александровна без памяти любила дочь. После второй неудачной беременности она больше не могла иметь детей, поэтому все свои силы вкладывала в единственного ребёнка. Часто она отстаивала право дочери на обучение наукам (Матвей Георгиевич был твёрдо убеждён, что женщина должна быть глупее мужчины и что ей достаточно говорить на иностранных языках и уметь играть на инструментах, поэтому тяга Катерины к серьёзным знаниям настораживала его). Добилась найма учителя по математике.

В прохладное утро с моросью, когда дворянка потеряла

всё, она вышивала в своей комнате. Из окна девушка с ужасом наблюдала, как к ним в дом врывается целое ополчение крестьян.

Бунт начался стихийно. За мужиками, которых подначили Борис с Тамарой, последовали другие, не выдавшие рабочих. При штурме дома люди смешались настолько, что чужаков никто не заметил.

Услышав крик приживалок, напуганная Катерина заползла под кровать.

Почти в этот же миг к ней вбежала трясущаяся мать и срывающимся голосом стала звать ребёнка. За хозяйкой забежали трое замызганных и неряшливых мужчин, а с ними – Борис. Лариса Александровна, вжимаясь в угол, молила о пощаде, но безуспешно. Зажмуренные глаза Катерины застелила пелена из слёз. Девушка закрывала уши дрожащими руками, чтобы заглушить душераздирающие крики. Затем, когда обезумевший от собственного могущества крестьянин нанёс последний ножевой, она зажала рот, чтобы не зашуметь. Не вышло.

У Катерины начался сильный кашель от недостатка кислорода в ноющей груди. Борис отыскал источник звука. «Что за прелесть?» – протянул рабочий, оборачиваясь к крестьянам. Те с кривым оскалом ответили, что это барская дочь, девица восемнадцати лет.

Борис вытащил девушку за шиворот. Она попыталась убежать, но её окружили. Кольцо смыкалось. Смотря на тело ма-

тери с выдернутыми клоками густых волос, дворянка теряла сознание, а вместе с ним веру в людей, в будущее, в жизнь.

За дверью с возгласами «ура!» ликующие деревенские забирали из усадьбы всё, что умещалось в руках. В спальную Катерины вломилась встревоженная Тамара.

– Кто-то настучал! Валить надо!

Тамара мельком обвела зажатую Катерину.

– Убить не успеем. Наведёт на нас! Хватай её, и побежал! – прокричала она Борису.

Крестьян подобный расклад не устроил. Они требовали отдать девушку им. «Они сдадут царским», – думала Тамара. Пистолет использовать было нельзя, так как у простых батраков такое оружие не водится, поэтому пришлось разбираться своими силами. Завязалась кровопролитная драка, окончившаяся резнёй и гибелью трёх крестьянских мужиков (один из них, Гришка, состоял в подполье). Шокированная Катерина не могла двинуться.

Времени не оставалось. Взяв её буквально в охапку, Тамара и Борис убежали под гул осатаневших и никого не видевших крестьян. Судьба отвела рабочих от встречи с жандармами. В городе Борис отправился по своим делам, оставив Тамару самостоятельно разбираться с потерявшей сознание Катей. На этот же вечер было назначено заседание организации, затаив дыхание ожидавшей итогов провокации в поместье Головиных. Появление там Катерины никого не удивило, напротив, обрадовало, но вкупе с этим и расслабило

позабывших о дисциплине собравшихся.

– А ну вставай! Ты же весь ковёр кровью заляпаешь! – рывком Тамара подняла Катерину с пола. Она гневно обернулась на постель. – Сядь. Кровать и так уже вся в пятнах, – женщина раздражённо выдохнула. – Как прикажешь это отстирывать?!

Катерина, сторя от ненависти и прикрываясь, легла на кровать, укуталась в простыню и прижала к себе колени. Тамара присела рядом.

– Он взял тебя силой? – женщина с напором осматривала Катерину снизу вверх и сверху вниз.

Захлёбываясь от плача, дворянка ответила:

– Нет... у меня не было выбора... – девушка ненасытно вдыхала ртом воздух.

Катерина тихо всхлипывала, прячась от пристального взгляда Тамары. Наконец она повернулась и жалобно посмотрела на работницу.

– Его совсем нельзя убедить жениться?

– Для чего? – недоумевая, Тамара вскинула брови.

– Это же не по-людски... безбожно!

– Мы давно потеряли веру в Бога, – женщина спокойно пожала плечами. – Если бы существовал Бог, допустил ли бы он безнаказанность таких, как твой папаша? Что смотришь так? Правда колет? Не он ли ухо старосте вашему оторвал? Слышала, все слышали. Если бы был Бог, то он бы оберегал своих детей от голодной смерти в заплесневелых подвалах, в

которых те вынуждены ютиться каждую ночь. «Бог справедлив, он всё видит» – чушь. Ничегошеньки он не видит! Если бы Бог всё видел, обрѣк бы он мою семью на скитания по помойкам в поисках еды?! – Тамара враждебно озиралась на Катерину. – Пока вы грелись в тёплых постелях, на нас ваш Бог насылал удары плетьюми с солью и несъедобную пищу без неё. Только на моей памяти сколько простых работяг полегло от бар. Были убиты за жалобы на нечеловеческие муки!

На кровати, словно опьянённая от злости, Тамара приподнялась на колени и упёрлась вплотную к Катерине.

– Так есть ли Бог, Катя?! И так ли это безбожно?

– Бог милосерден! Он всех накажет! – девушка тряслась.

– А чего ж он Борю не наказал? – хмыкнула работница.

Катерина тяжело задышала.

– Бог справедлив!

– Ну да. Брат умрѣт лет через двадцать, скажем, от холеры, а ты будешь думать, что это его Бог покарал.

– Не может не покарать! Он безнравственный человек!

Убийца, насильник! – вскрикивала Катерина.

– А ещё что с твоими родителями сделал! – Тамара словно упивалась повисшим отвращением Катерины. Она не питала к ней личной ненависти, но питала её ко всем из высшего сословия. – Брата, барышня, не трожь! Он, может, поболее меня видел, – женщина, восстановив в памяти день переезда из деревни, когда её впервые пронзила ясность убогости монархии, намеревалась излить всю накопленную к дворянам

желчь: за мать, за отца, за приятелей. Вспомнив, однако, что Катерина ей нужна живая и в здравом уме, Тамара продолжила мягче: – Зачем тебе такой муж?

– Ты должна меня понимать, ты тоже женщина...

– Незамужняя, как видишь. И никогда не была. И вряд ли буду.

– Такого не может быть...

«Даже не вдова! Такая развязная и не бывшая замужем! Эти безобразные рабочие ещё омерзительнее, чем папенька рассказывал!»

– Этим вы от нас и отличаетесь. Строите из себя невинных, следуете непонятным правилам... а зачем? Живём-то один раз, – женщина усмехнулась и размяла затёкшие пальцы.

– Это грязно!..

– Опять! Если бы я вышла замуж, то у меня не осталось бы времени на действительно важные вещи. Я, Катя, мечтаю о революции, об освобождении угнетённых... (дядька мой, ну, брат мачехи, тоже мечтал, да повесили, подонки!). Я не хочу засесть с маленьким кричащим ребёнком в душной квартире, пока мой муж гуляет по кабакам да бабам.

– А Олег Владимирович?.. – робко промолвила Катерина, получив в ответ неодобрительный взгляд пролетарки.

– А ты, милочка, Щербакова не впутывай! – щёки залились пунцовой краской. Тамара подскочила.

– Прости! Извини, пожалуйста! – взмолилась Катерина в

страхе, что её больно накажут за лишние слова.

– Впредь не забывайся! – прочеканила женщина.

Они замолчали.

– У меня есть всего один небольшой вопрос... – девушка замялась, – Что вы взяли из моего дома?

– Ничего, – Тамара пожала плечами.

– В каком смысле? – дворянка растерянно похлопала ресницами.

– Лично я всё оставила крестьянам. Для себя вдоволь наворовали.

– То есть вы сломали мне жизнь и лишили будущего просто так?! – и снова слёзы подступили к горлу.

– Это чревато очередной истерикой, – сурово подвела итог Тамара. – Я устала слушать.

Тамара наклонилась за окровавленным ножом. Забрав из комнаты и остальное оружие, она покинула скулящую от жалости к себе девушку. Дабы предотвратить ещё одну непредвиденную ситуацию, Тамара заперла дверь в свою спальную, отобрав у Катерины ключ.

– Собери бельё. Завтра постираешь.

VI

Тамара была недовольна. Более того, она была раздражена и рассержена на Бориса, чей поступок не укладывался в её голове. Безусловно, она ожидала от него подобного, но очень надеялась, что ему хватит благоразумия не делать того, что может иметь фатальные последствия для общего дела. Тамара не сомневалась, что Катерина, в принципе, больше ни на что станет негодна, как только замысел проверить Дмитрия претворится в жизнь. В девушке она видела изнеженную барышню. Поэтому она обходилась с ней достаточно строго. Поэтому и позволяла себе обращаться с ней так, как не обращалась бы с другими молодыми девушками, потенциальными революционерками, с которыми запрещала «бороться» подпольщикам. Отчасти ей было жаль не только разрушения её замысла, но и саму Катерину. Но лишь отчасти. Пока жалость не вставала выше амбиций, но уже давала о себе знать.

– Ты что творишь?!

Разъярённая Тамара вбежала в маленькую кухню, едва не сметая всё на своём пути. Возившийся с «браунингом» Борис на секунду оторвался от дела, чтобы посмотреть на сестру скучающим взглядом, но тут же с невозмутимым спокойствием к нему вернулся.

– Не ори. Что случилось?

– Ты ещё спрашиваешь?! Из-за твоей похоти чуть весь план не провалился! Зачем обидел Катю?

– Я и не обижал, – равнодушно протянул мужчина. – Она сама захотела.

– Поэтому она себя порезала?!

– Сумасшедшая, – Борис нарочито тяжело вздохнул и пожал крепкими плечами, продолжая чистить оружие. – Сумасшедшую замуж всё равно не возьмут.

– Теперь она и сама не пойдёт за другого, – Тамара одарила брата тяжёлым взглядом. – И не отпущу. Всё ему выпалит. Как на духу.

– А всё-таки ни черта они не благородные. Больше выкобениваются, – он наконец дособирал пистолет и откинулся на спинку стула. – С нашими девицами всё куда проще. Порченная, не порченная. Кому какая разница?

– Ты лучше скажи, – Тамара села рядом с Борисом и, обхватив его холодные по природе ладони, вытянула из них «браунинг», – откуда новый?

– В кости выиграл, – торжественно поделился Борис. – Кстати, скажи Кате, чтобы завтра после полуночи пришла.

– Сам и скажи, я похожа на телеграф? А вообще, может, ей к тебе переехать? Чего туда-сюда ходить. И мне удобней.

– А куда я остальных водить буду?

С серьёзным видом Борис и Тамара смотрели друг на друга, а затем одновременно разразились беззлобным, почти детским смехом.

Третья часть.

I

Встречи подпольной группы в последние полгода проводились регулярно два раза в неделю. Несмотря на всю затруднительность организации свиданий в силу ненормированного рабочего графика и чудовищных условий труда, пролетарии, преодолевая усталость, торопились на собрания. Вера в лучшее не покидала даже в самые нелёгкие минуты, когда в задымлённом цехе они задыхались, обливались потом, теряли сознание и силы. Они бежали в заброшенный подвал, давно заросший толстым слоем паутины по углам, с землёй вместо пола, забыв даже о страшном голоде, ведь кормили их хуже, чем домашних птиц фабриканта. Среди всей группы было мало женщин – всего четверо. Причина крылась отнюдь не в том, что их устраивало рабское существование. Нет. Их сковывали обязательства перед грудными детьми, которых они оставляли на малознакомых людей, так как не было ни одной неработающей души в их окружении. Других же не отпускали мужья, и они не смели противиться приказам. Впрочем, этих женщин Тамара и сама не хотела видеть в своих рядах, ведь с исполинской покорностью не построить то, к чему стремились и стремятся воз-

любленные ею идеологи.

Всего в подполье состояло человек двадцать, но самых преданных, самых фанатичных революционеров, не беря в счёт Дмитрия, оказавшегося там по воле Щербакова и появившегося на сборах весьма и весьма редко. Он был слишком высокомерен, чтобы часто связываться с «необразованными дикарями». Здесь он заблуждался. Все они умели и читать, и писать, и даже считать; это было одним из основных требований Тамары для каждого вступающего, – безграмотность она считала таким же врагом революции, как и черносотенцев. Особенно Тамара любила и для себя выделяла других представительниц её пола. Все они были разного возраста: кому двадцать, кому немногим большим, кому давно за сорок, но всех их объединяло одно – идея, стремление, безрассудность. Ирина, Авдотья и Зоя. Все поручения выполнялись ими беспрекословно, но это не была та кротость и безропотное подчинение, как в случае с другими женщинами. К ним не осмеливался подойти ни Борис, ни любой другой мужчина в организации. Их уважали почти так же, как уважали Тамару. Над ними не смели шутить; даже самый смелый и грозный работник не допускал идеи шлёпнуть или зажать у стенки кого-либо из них.

Всё чаще на обсуждение ставился вопрос скорой провокации на фабрике. Тамара долго готовила план, но не могла полностью огласить его, не проверив подозрительные лица, а конкретно – Дмитрия.

В небольших городах масштабные происшествия случаются редко, поэтому какой день в газетах писали об одном и том же. Открывала номер скандальная новость о погроме в поместье Головиных. Множество чиновников скорбели «о столь значимой потере в лице почтеннейшего Матвея Георгиевича Головина». Про супругу и дочь Матвея Георгиевича было сказано мало. Большую часть статьи занимали предположения полиции о возможном развитии событий, их хронология и прочие неинтересные вещи. Завершалось всё некрологом местного писателя, известного в узких кругах таких же малоизвестных писателей, как и он сам.

Далее следовал пункт о взятии «банды Коломенского». Разбойников, как писали, не удавалось поймать два месяца после совершённого ими убийства «уважаемого Игоря Николаевича Позднякова», которого, на самом-то деле, никто и не уважал. Доподлинно известно, что его собственный сын спонсировал Коломенского и поддерживал их борьбу с отцом.

Особенно Тамару забавляла уверенность полиции в ликвидации всех революционных группировок города. Работница наклонилась ещё ниже, уткнувшись локтем в кухонный стол и отодвинув газету к краю, чтобы было проще перелистывать. Она покачивала бёдрами из стороны в сторону, напевая:

*Грохот машин, духота нестерпимая,
В воздухе клочья хлопка,*

Маслом прогорклым воняет удушливо –

Да, жизнь ткача нелёгка...

Безмолвно наблюдающий у входа Борис затаился самокруткой и, выдохнув смолистый дым, сел за стол. Закурив по новой, он заговорил:

– Я тоже кое-что помню:

Время некуда девать,

Никакой отрады,

Не дано просвета знать,

Значит, выпить надо.

Борис бросил окурочок в чашку и пристально посмотрел на насмешливо улыбающуюся, с выгнутой бровью, Тамару.

– Не стой так, – попросил он и опёрся костяшками кисти на висок.

– Мешаю? – Тамара повторила его движение.

– Отвлекаешь.

– Ишь какой! От чего это я тебя отвлекаю? – женщина удивлённо вскинула брови-дуги и села напротив брата.

– Я думаю, – отмахнувшись, ответил Борис.

– Ничего себе! Нечасто ты этим занимаешься. Небось о Катьке? О чём же ещё, – Тамара, смеясь, взмахнула руками. – Чего о ней думать-то? И так три недели её терроризируешь. Ладно хоть её одну, а то от твоих подружек ненароком что и подхватить можно.

– Всё ехидничаешь, – Борис откинулся на спинку стула. – У меня таких, как эта жеманница...

– Акий султан. Я с тобой не об этом собиралась говорить.

– А о чём же?

– Наберись терпения и не перебивай. Я решила использовать твои приставания к Кате на благо общего дела. Не лыбься без причины, я пытаюсь объяснить важную вещь. Ты всё равно не оставишь её в покое. По лицу вижу. Помнишь, что мы в крайний раз на собрании обсуждали? Тогда ещё Димы не было. Передай ей, что мы собираемся сделать это через два дня. Завтра у Щербакова она расскажет об этом хвостиком.

Борис, обдумав всё сказанное, скрестил руки и грозно нахмурился. Он делал так почти всегда, когда был с чем-то сильно не согласен, и когда он так делал, он выглядел на десять лет старше: на гладком смуглом лице образовывалось множество неглубоких морщин, глаза будто теряли свой жизненный блеск. Да и весь мужчина становился похож на озлобленного старика. Особенность появилась ещё в семилетнем возрасте.

– А сама ты ему передать не можешь? Без *неё*, – слишком раздражённо он произнёс последнее слово.

– Да ты, братец, ревнуешь.

Мужчина внезапно расслабился в лице, и его выражение приобрело оттенок слабого замешательства. «Ревную... ещё чего. Пусть забирает, когда мне надоест». Он не был до конца честен с собой. Никогда он не встречал настолько слабого и беспомощного существа, как Катерина. Никогда никто

не находился в таком абсолютно-безропотном подчинении перед ним. Никогда раньше он не жил с женщиной (не беря в расчёт Тамару). Что-то сильное, незнакомое доселе полыхало в нём. Впервые он чувствовал что-то большее, чем обыкновенное физическое влечение. Всё в Катерине ему казалось удивительным: её умный, но не опытный, как у Тамары, взгляд, её грациозные движения, её надрывные всхлипы по ночам. Каждая мелочь в ней для Бориса была в новизну. Она завораживала своей непохожестью на фабричных работниц: хрупкая, как фарфоровая статуэтка в виде калмычки на полке у Щербакова, и белая, как мука свежего помола. Ни такой тонкой кожи, сквозь которую видны все сосуды и косточки, ни прозрачно-голубых глаз не замечал рабочий в подобных ему. От Катерины, того не осознающей, исходило особенное тепло, окутывающее всех. (Оттого новорождённую дворянку и окрестили таким именем, что мать назвала дочь своим «лучом света в тёмном царстве» деспотии мужа.) Борис тоже ощущал это тепло, но ощущал он и отвращение девушки к собственной персоне. Боролся он с этим как умел, сильнее распалая огонь ярости в Катерине. Тамара сдерживалась, чтобы не улыбнуться слишком широко от осознания собственной правоты. Женщина встала за спиной у брата и запустила длинные ногти в его короткие смоляные волосы. Он прикрыл глаза.

– Что же, ты сам не понимаешь, как смешно это будет выглядеть? Я говорю Диме, что мы собираемся сделать? Нет,

Боря. Здесь без Кати не обойтись. А как я ей доложу? У неё обо мне мнение выше, чем о тебе, – работница слегка сжала прядь волос и потянула её на себя, от чего мужчина вздрогнул и почувствовал внутри странный жар. Она наклонилась к лицу Бориса. – Ну что вылупился? Я её не насилую. Во-вторых, Катерина понимает, я не стану трепаться о важных делах с ней. А вот ты... – Тамара очертила кончиком пальца скулу брата, – женщине слишком просто из тебя что-то выпытать.

– Не хочешь что-нибудь от меня разузнать? – он протянул руку и дотронулся вспотевшей ладонью до сухой ладони сестры. Тамара показала красивые зубы и мягко отстранилась.

– Я схожу на рынок. Думаю, надолго. Сегодня базарный день, крестьяне приехали... – она постучала ногтями по столу. – Ладно, пойду. Сделай то, что я просила.

II

Пока Тамара отсутствовала, Катерина перебралась на её кровать, найдя чтение книги на холодном голом полу неудобным. Она нехотя, но постепенно привыкала к реалиям, посланным ей судьбой, и молилась чаще прежнего. Особенно сильно она молилась, уже с благодарностью, в те вечера, когда Борис не ночевал дома. Она считала их Божьей благодатью, дарованной ей, грешнице, как милость.

Катерина практически перестала плакать над платьем – единственным предметом, напоминавшим ей о доме. Она пыталась рассмотреть хорошее в настоящем. Катерина, никогда не имевшая подруг, сблизилась с Тамарой, с которой периодически беседовала о прошлом работницы. Девушка сошлась и с Щербаковым, изредка посещавшим, всего на четверть часа, квартиру вместе с Дмитрием, чтобы осведомиться о здоровье хозяйки. С молодым человеком дворянка совсем не разговаривала, боясь гнева Бориса, но очень того хотела. Она видела в нём человека *своего круга*: образованного, опрятного, обходительного. Зная из мужчин, не родственников и не стариков, только брата Тамары, Катерина для себя решила, что Дмитрий – идеал. Пример настоящего дворянина. Она слушала его споры с Тамарой с замиранием сердца и тщательно скрывала это за ледяным выражением лица. Он смотрел на неё и ласково улыбался, и она взволно-

ванно принимала эти улыбки за симпатию, а не за успешную попытку позлить Бориса. Внутренне она ликовала от знаков внимания Дмитрия, но сокрушалась от раздражения рабочего – ночи, когда он был зол, проходили мучительнее и тянулись дольше обычных.

На улицу её не выпускали. Ключей не давали. От летнего зноя спасало только окно, живой выпрыгнуть из которого не представлялось возможности из-за высоты и с закрытием которого из-за старости возникали трудности. В то время как Тамара и Борис были на заводе, Катерина убиралась в квартире, готовила еду, гладила вещи. В общем, делала всё, чего не делала никогда. Поначалу девушка перепортила множество продуктов, за что её сильно ругала Тамара. Переведа дух и доведя Катерину до слёз, женщина объяснила дворянке, как вскипятить воду и не сжечь кухню, как помыть пол и не разбить вазы и остальные теперь значимые для неё тонкости ведения хозяйства.

Борис никогда не стучал в дверь. Особенно к Катерине в отсутствие Тамары. Войдя, он животным взглядом обвёл читающую Катерину, но, помня о поручении, с наигранным бесстрашием упал рядом с Катей и закинул правую руку на её костлявое плечо.

– Откуда такая роскошь? Ещё и не на нашем, – он кивнул на книгу в дорогом переплёте, ребром ладони поглаживая длинную белую шею.

– На французском, – Катерина замерла, не отводя глаз от

страниц.

Чтобы привлечь на себя внимание, мужчина чуть-чуть надавил большим пальцем на гортанный выступ дворянки и отобрал у неё книгу.

– За пару рублей можно толкнуть, – Борис осмотрел рукопись со всех сторон и отложил её. – Так откуда?

– Олег Владимирович подарил, – практически не дыша, ответила Катя.

– Щербаков? Тамара не бранилась? – рабочий, нагибающийся к лицу Кати, выгнул тёмную широкую бровь.

– Нет. Она сказала от тебя спрятать, – вздёрнутый носик вздрогнул.

– Похоже на неё. Это и хорошо, что она спокойна. Ей такой нужно оставаться два дня точно, иначе ничего не получится.

Катерина исподлобья глянула на мужчину. За двадцать дней количество их бесед можно посчитать на пальцах руки. Чаще они ограничивались глупыми шутками Бориса из кабаков. О юности он не рассказывал. Да и Кате не была интересна его история. Он также не говорил о подпольной деятельности, но не потому, что умел хранить тайны. Борис не считал происходящее на собраниях чем-то важным для него. Он молчал лишь по той причине, что никто его об этом не спрашивал. Катерина не заводила таких разговоров, но именно их она и ждала. Ей очень хотелось знать, что там обсуждается. Любая, даже самая бесполезная информация, ко-

гда-нибудь смогла бы её спасти.

– Что не получится? – робко уточнила девушка.

– Забастовка. Планируем устроить на заводе. Надеюсь, Сафронова убьют.

– Убьют? – она презрительно смотрела в упор на зевающего в её плечо Бориса. С каждым его движением её грудь вздымалась сильнее от разливавшегося буквально по венам отвращения. – Ты надеешься, что убьют человека?

– А зачем он нужен? Деньги никогда вовремя не выплачивает, орёт почём зря. Сам я не видал, но Тамара рассказывала, как он угольщика Губанова кочергой огрел. Как медведь в берлоге сидит, напивается, а мы с половины восьмого пашем по двенадцать часов. Сколько раз на выходном выходили? Сам я не выходил, но Луку вызывали. Мало по выходным, ночью вытаскивали. Меня-то их проблемы не касаются, да Томе всё не сидится на месте. И вот что ей надо? В квартире втроём, – Борис подмигнул, – живём, пока остальные в ледяных бараках по сотне ютятся. Я спрашивал, мол, зачем нам это? А она за рабочий класс беспокоится. Что они, говорит, сделают без поддержки? Они же, говорит, беспутные, дров одни наломают. А мне-то что? Свою бы шкуру укрыть, как батя советовал. Томка участвовать заставляет. Бесстрашная она. Как Мартын, боюсь, кончит. А прав мне, знаешь ли, хватает, но остальные жалуются. Наверное, им мало. Вот всем подпольем и хотим остальных поднять на отстаивание прав.

– А что вы ещё хотите? – заинтересованно подхватила девушка.

Катерина пожалела о своём вопросе. Борис бесцеремонно и скользко очертил её фигуру.

– Да много чего, – он ухмыльнулся.

Девушка глубоко вздохнула, решив, что дальнейший распрос не только невозможен из-за изменения настроения Бориса, но и покажется подозрительным. Она наклонилась за книгой, лежащей у ноги рабочего. Борис насмешливо покосился на тянущуюся Катерину. Резким движением он выхватил книгу из-под носа Кати и поднял роман над своей головой. Подпрыгнув один раз, дворянка оставила попытку отобрать «Трёх мушкетёров».

– Отдай.

Борис посмеялся над требованием. Свободную руку он поднёс к лицу Катерины и схватил его так, что маленький рот чуть приоткрылся, как у рыбки. Он сжимал и без того впалые щёки, по-ребячески передразнивая её: «отдай», – повторял он. Остановившись, рабочий пристально всмотрелся выразительными карими глазами в почти прозрачные глаза Катерины. Он отложил книгу и стянул резинку с взлохмаченного хвоста, а затем наклонился и укусил девушку, не убирая ладонь со сдавленных щёк, за нижнюю губу.

III

В рабочем кабинете фабриканта Сафронова, пятидесяти семи лет отроду, стоял запах крепкого алкоголя. Никакой другой запах в этом кабинете никогда и не стоял, поэтому одному лишь Богу известно, чем фабрикант Сафронов занимался здесь, кроме как пил.

Внешность Сафронова нельзя было назвать представительной. Его крючковатый длинный нос мало гармонировал с раздвоенным мясистым подбородком и пороссячьими впадинами глазками, а морщинистые руки с неухоженными ногтями и вовсе вызвали у окружающих отвращение.

Щербаков находился с Глебом Юрьевичем в приятельских отношениях. Фабрикант из староверов часто приглашал Олега Владимировича на званые ужины, обеды и остальные приёмы пищи, кои мог ему позволить сокращающийся из-за нередких забастовок капитал. Дружба была взаимовыгодная: Сафронову нравились многолетние напитки, которые ему преподносил Щербаков, а Олег Владимирович в свою очередь считал эти сношения немаловажными, так как ему открывался свободный вход на предприятие.

– А зачем тебе, брат, текстильная фабрика? – тоненьким голоском спросил Сафронов, опустошив второй стакан.

– Ищу себя, Глебушка, на новом поприще. Одно и то же опостылело. С законными... – Олег Владимирович откаш-

лялся, – с наследниками у меня, ты знаешь, туго, вот и готовлю Диму взять на себя моё нынешнее дело, а сам думаю заняться чем-нибудь другим, – он замялся, решив, что говорит ненужные и бессвязные вещи, и продолжил о главном: – Мои работники все, тебе известно, с квартирами да с яслями, не жалуются. Давеча сижу, разбираюсь с бумагами и думаю, что хорошо было бы в нашем городе такую же систему устроить, а то у тебя, ты уж извини, от силы десятков рабочих не может пожаловаться... Ты, Глебушка, мне только цену назови.

– Обижаешь меня, брат, – Сафронов по-девичьи надулся, – я не считаю себя плохим хозяином. Едят? Едят. Ну да, не мясо, но тоже еду! На церковные освобождаю? Освобождаю. Да, да, помню, что запрещено не освобождать. Ну, брат, обидел... Забыл, что ли, как я два года назад устроил своим рабочим попойку за свой счёт? Пей – не хочу! Они, неблагодарные свиньи, работать по-человечески на следующие сутки не могли... А что до забастовок... где их нет? Разве что у тебя, так ты и не считаешься! Ты же для них, считай, свой. Старики тебя наверняка карапузом помнят, а у меня по-другому. И я ведь не владел заводом до пятого года, а как прошлого, Наумова, задушили, так я и выкупил скоренько.

– А не боишься, что и тебя так же, шнурком от косоворотки, задушат?

– Ну, полно тебе. Коли за пять лет не задушили, то и сейчас пяткой не шелохнут. У меня жена молодая, бывшая супруга, две сударушки, – Сафронов пискляво хихикнул, – как

их, брат, содержать, если я тебе фабрику-то продам?

– И как же ты со своей резвостью завод Позднякова не приватизировал?

– Так я, Олежа, собирался. Приехал к нотариусу, объясняю, а он, шельма, отвечает, что уже заключил договор с Вебером! С немчишкой заключил, не дождавшись моего прихода! Я разозлился, кричу этому пентюху, что деньги ему плачу не за сделки с немчурой, а этот фуфлыга угрожает, что жандармов позовёт, если я не оставлю кабинета! Пятигуз проклятый! – Сафронов разгорячился до красноты, как от мороза, в вислых щеках. Он, пыхтя, опрокинул ещё одну стопку.

– Стало быть, не продашь? – твёрдо спросил Щербаков.

– Не продам.

За столом поднялся безудержный смех, и даже Катя, потупив глаза в пол, улыбнулась краем рта.

– Что, так и сказал: «молодая жена, бывшая супруга и две сударушки»? У этого-то ендовочника? – Борис басовито хохотал, одной рукой придерживаясь за плоский живот, а вторую положи на стол, что вызывало молчаливое неодобрение у Дмитрия с Катериной.

– Ты всё о своём! – весело выкрикнула Тамара. – А Сафронов между тем фабрику не продал. Лысый пресноплюй, – женщина экспрессивно взмахнула руками.

Олег Владимирович убогатворённо, и внутренне улыбаясь, пригладил уложенную на затылок серо-каштановую ше-

велюру. Дмитрий, обративший внимание на движение наставника, отвернулся и усмешливо поджал потрескавшиеся губы. Катерина, подняв голову, не отводила от него взгляда.

Перед посещением Тамара провела воспитательную беседу с братом, объяснив ему, как важно в этот вечер дать Катерине волю в общении с Дмитрием. Хотя Борис исключительно редко перечил сестре, в вопросе с Катей он говорил открыто и потому поначалу не одобрил всю затею. Но всё же работница сумела его уговорить, и мужчина с удовлетворённой улыбкой принял все её требования.

– Отчего Вы всегда молчите, Катерина Матвеевна? Последний раз мне посчастливилось слышать Ваш голос третьей недели, – юноша завёл непринуждённую беседу с Катериной. – Неужто Вы меня боитесь?

Девушка бросила небрежный взгляд на спокойного вида, но дышащего полной грудью Бориса, и тут же отвернулась, с опаской заговорив:

– Нет, Дмитрий Дмитриевич. *Вас* я не боюсь, – она нерешительно улыбнулась, плотно сомкнула дрожащие колени и в смущении отвела глаза. На стареньком фортепьяно Катерина заметила виолончель, и взгляд её загорелся. – Олег Владимирович, неужели Вы играете?

– Что ты, Катенька, куда мне. Это Димино.

– Ах, как я люблю виолончель! Матушка... чудно играла! И меня обучила.

– Может, что-нибудь сыграешь? – поинтересовалась Та-

мара. – Слушать мне некогда. Ничего не слушаю, кроме дворовых песен и завываний Бори. Как завоет пьяный «и-и-и-и-ишь его-о-о я забы-ы-ыть не могу!», – работница потешно искажала пение Бориса, – так хоть вешайся! – Катерина широко улыбнулась, не посмотрев на возмущённый взор рабочего.

– Отличная мысль, Томочка! – восхитился Щербаков. – Дима может аккомпанировать на фортепьяно.

– Почту за честь.

– Я хотела бы... – начала Катя о Бетховене, прижав руки к сердцу.

– Глинку? – продолжил за неё Дмитрий.

– Верно, Глинку! – она смутилась и задумалась: – Глинку, «Разлуку».

«Угадал! Всегда угадываю», – пришло в голову юноши.

Дмитрий одарил Бориса взглядом победителя, когда сияющая дворянка живо кивнула. «Курощуп и волочайка», – гневно подумал рабочий, скрежеща зубами.

Из-под клавиш полилась тихая мелодия. Настраивающая инструмент Катерина заморожено следила за длинными ровными пальцами, бледнея от нарастающего звука ноктюрна и стука собственного сердца. Пришла её очередь. Она едва не запнулась, но уверенно сыграла свою партию. Для полного звучания не хватало скрипки, но действие музыки ярко отпечаталось на помолодевшем лице Олега Владимировича. Он, словно околдованный, глядел на Тамару. Щерба-

кова очаровывали её выразительные глаза, короткие, выше плеча, закручивающиеся волосы, маленькая родинка с правой стороны вытянутого, но не по-аристократически, подбородка. Мужчина мимолётно переводил задумчиво-оценивающий взгляд на Бориса, ненамеренно сравнивая себя, седого и неловкого, неуклюжего, как он сам считал, старика, с бодрым и стройным, без внешних изъянов, красавцем-рабочим. Тамара это замечала. Крайний раз она чувствовала стыд много лет назад, ещё до встречи с Щербаковым, но сейчас, видя его влюблённые глаза, в работнице невольно возникало жжение. Она не любила Бориса, как женщины любят мужчин. Пускай она не признавалась, но место в её сердце уже было отдано фабриканту-покровителю. Тамара не считала их сношения с Борисом теми сношениями, которые принято воспринимать всерьёз. Она не думала, что они делают что-то неправильное, или что этим она предаёт Олега Владимировича. Она не считала измену с братом изменой. (Её мнению, впрочем, есть обоснование. Как бы то не звучало избито и пошло, но все проблемы возникают в детстве.) И всё-таки она почувствовала стыд.

Не от собственной игры, но от навеянных воспоминаний по хрупкому личику Кати скатилась горячая слеза. Её эмоции не растрогали ни Дмитрия, надменно и гордо вскинувшего подбородок, ни Бориса, больно теребящего свои волосы. За немой борьбой мужчины не замечали Катерину, а ей не до того и было. Мысленно она возвращалась в те уединён-

ные дни, когда ей удавалось сбежать от гогочущих или спящих нянечек на озеро в большую приусадебную рощу. Катерина подолгу сидела там, замороженная видами, размышляя о жизни. Когда её всё-таки находила волнующаяся мать, девочка пряталась за берёзами, но из-за ребячьего хохота выдавала себя. Так они играли с родительницей в догонялки до самой вечера, где строгий отец отчитывал Катеньку за непослушание и лишал её сладкого или прогулок на несколько дней.

Дмитрий нечасто размышлял об отрочестве. Из школьных лет он помнил мало, потому что вместо учёбы предпочитал прогуливаться с одноклассниками у подножия гор. В старших классах юношу едва не исключили из-за плохой успеваемости, но за него вовремя похлопотал Дмитрий Аркадьевич Самойлов, его отец и приятель директора. Мать изредка, не при муже, шутила о крестьянских замашках сына, когда он долго возился с лошадьми в конюшне, на что мальчик обижался: «Как меня, матушка, сына потомственного дворянина, можно сравнивать с безродными и тупыми крестьянами?!». Кроме любви Софья Никитична вкладывала в ребёнка и кротость перед родителями и беспрекословное им подчинение. Дмитрий не был избалован любившими его родителями, поэтому он находил отдушину в краткосрочных романах, которые в Швейцарии тщательно скрывал не только от матери, непременно повелевшей бы жениться на одной из студенток, но и от всех остальных, чтобы они случайно не

проговорились. По приезде в Россию после смерти отца он ощутил небывалую свободу и закутил открыто; порой его поступки поражали своей фривольностью самых искушённых мужчин. Несмотря на легкомысленный нрав, Дмитрий был неглуп и всесторонне развит: разбирался в основах физики и химии, играл на трёх инструментах (помимо виолончели и фортепьяно он освоил флейту) и владел тремя европейскими языками.

С Тamarой у них сразу не сложились отношения. Дмитрий не скрывал своей незаинтересованности и насмешки к делу жизни работницы. На собраниях он больше отмалчивался, но если и встречал, то сильно злил женщину, её подруг и некоторых других рабочих своей дворянско-либеральной позицией. В покушении на фабриканта Позднякова Дмитрий участвовал без энтузиазма и по совету Олега Владимировича, назвавшего покушение способом наладить контакт с «Томочкой». Тогда он проявил фантастическую для него отвагу, но именно после этого в душе Тамары зародилась настороженность в предательстве. Она заподозрила, что Дмитрий доложил о покушении Коломенскому и их же сдал полиции. Случай с провокацией в деревне Катерины тоже натолкнул женщину на неприятные мысли, – слишком быстро прибыли стражи порядка. Работница сомневалась в двух людях: в Гришке, крестьянине из Катиной деревни, и в Дмитрие. Гришка убит, поэтому для неё проверка дворянина – вопрос безопасности.

Последняя нота и всеобщее молчание.

– Недурно! – Тамара и Щербаков, застенчиво улыбнувшись друг другу, бурно захлопали. Борис тоже принуждённо похлопал, когда Тамара под столом ударила его своим коленом.

– Это было потрясающе! – Щербаков в эйфории сжал крупные ладони в замок.

– Как вы, барчата, говорите... – Борис посмотрел в потолок и щёлкнул пару раз пальцами, вспоминая «хорошо», – жабье слово... мерси, не мерси...

– Andouille, – что означало «бестолочь». Юноша с ехидством отозвался, вызвав смешок Катерины.

– Да, наверное, оно, – Борис, забывшись, одобрительно кивнул. Как ни странно, но музыку он любил.

Все вновь собрались за столом, и даже Катя, вытерев слёзы, вмешивалась в шумную дискуссию, в которую Тамара предпочла не вникать, о творчестве Шаляпина. Дальше заговорили о политике. Здесь работница не отмалчивалась:

– Что за чушь ты несёшь, Дима! Как наша Империя может быть благом для народа?! Какую культуру разрушают социал-демократы?! Культуру торговли телом? Культуру рабства? Культуру ущемления за то, что ты не православный, русский, мужчина или дворянин?!

– Кто-то должен работать на кого-то, – настаивал Дмитрий. – Как, позволь, вас, рабочих и крестьян, не ущемлять, если вы глупые, необразованные, немые...

«Грубые, вульгарные!» – дополняла Катерина.

«Это ему мать внушила?..» – понуро подумал Щербаков.

– А кто дал нам хоть один шанс?! Нам, людям из деревень и без капитала. Воскресные школы? Учиться подчиняться хозяевам?! Вон, папаша нашего Сильного и Державного говорил, что крестьянам только и нужно, что молиться. «В простоте воспитываться». Ты тогда даже не родился, наверное. К чёрту вашу простоту! Зачем она крестьянам?! Олег Владимирович, вон, тоже из крестьян, а добился! Каждый должен иметь равные возможности достичь того, чего он желает.

– Вот в Швейцарии... – не унимался молодой человек.

– То в Швейцарии! А у нас рабство меньше чем пятьдесят лет назад отменили!

– Во-первых, не рабство, а крепостное право. Во-вторых...

– Да, здесь я соглашусь. За рабов хозяева налоги платят. Ещё обеспечивают едой и одеждой. Наши крестьяне отвечали за всё сами.

– Я... – трусливо вмешалась Катерина, – я согласна с Дмитрием Дмитриевичем. Кто будет содержать крестьян, если не хозяева?..

– Катерина! – от неожиданности прыснула Тамара. – Совместными усилиями все прокормятся! Только вместе можно достичь справедливости! У нас всё получится, нужно только приложить усилия:

*Сбейте оковы,
Дайте мне волю –
Я научу вас
Свободу любить.*

– Катюша, – присоединился Щербаков, – ты не права. Разве тебе нравилось, как отец отзывался об образовании барышень?.. Да, я знал его. Он говорил со мной об этом... Это издержки нынешнего строя. Такое нужно искоренять. Возможно это, согласен с Томочкой, только вместе... с Божьей помощью революция свершится...

«Революция... с Божьей помощью...» – Тамара была озадачена.

– Вы верующий?! – Катерина выглядела счастливой – словно на календаре был церковный праздник.

– Я... нет... да... то есть... – Тамара пробовала скрыть осуждение, но получалось плохо. Олег Владимирович заикался, – я крещённый...

Борис занял выжидательную позицию. Ему не нравился прорезавшийся голосок дворянки, но он, одариваемый тяжёлым взглядом сестры, смиренно терпел. Вскоре разговор завершили.

– Олег Владимирович, Боря, предлагаю партию в карты, – Тамара опустила локти на стол, – а молодые пускай идут в другую комнату.

Катерина остолбенела. Отпустить её из-под надзора? С Дмитрием? «Боже, наконец-то ты услышал мои молитвы!

Господи!». Она повторила про себя «Отче наш» два раза. Дмитрий не стал задавать лишних вопросов и просто подал Катерине руку, которую она без размышлений приняла. Дмитрий ликовал, глядя на поджавшего губы рабочего.

Только комната, самая дальняя от столовой, закрылась, девушка решила не терять времени.

– Через два дня они планируют выступление на фабрике и, вероятнее всего, убийство владельца, – тихо и быстро зашептала Катя. – Дмитрий Дмитриевич, я прошу Вас...

– Пойдите, Катерина Матвеевна, – он выставил ладонь, – пойдите. Откуда Вам это известно? Тамара рассказала?

– Борис...

– При сестре?

– Нет... – она густо покраснела, а Дмитрий задумался.

– Не кажется ли Вам странным, что Борис с Вами наедине бунты обсуждает?

– Вы меня оскорбляете, Дмитрий Дмитриевич...

– Не имел намерения, Катерина Матвеевна! Извините, – юноша поцеловал ладонь Кати, – но о чём же Вы просите?

– Я... я хочу... прошу, чтобы Вы предупредили полицию. Срочно предупредите их, Дмитрий Дмитриевич! Их поймают, повесят! Пожалуйста!

– Милая Катерина Матвеевна, успокойтесь. Через два дня они точно ничего не сделают. Олег Владимирович говорил, что Сафронов уезжает. Всё это похоже на проверку. Мы не можем так рисковать.

– Пожалуйста... сдайте их властям, я Вас умоляю! Освободите меня, помогите мне!

Она больше не впадала в истерику и не лишалась чувств, но по-прежнему не могла спокойно объясняться.

– Катериночка Матвеевна, золотце, не волнуйтесь! – Дмитрий подставил ей стул. – Мы обязательно что-нибудь сделаем, спасём Вас, но не сейчас. Поймите, Катенька... я не узнал, могу ли я Вас так звать? – она кивнула. – Катенька, сделай мы одно лишнее движение сейчас, и они нас расстреляют. Катя...

– По мне лучше смерть...

– О чём Вы говорите?! Как можно желать умереть в Ваши-то годы?! Не рассуждайте о глупостях, Катерина Матвеевна!

Он не строил в голове планов по спасению. Не загружал себя депрессивными рассуждениями о жизни Кати, о её положении, о её мыслях. Его мало заботило её душевное состояние. Дмитрию было скучно общаться с Катериной без Бориса, но она привлекала его как девушка, и пребывание с ней наедине казалось юноше на руку. Дмитрий подошёл к Катерине и прижал её ладонь к своей груди. Катерина не сопротивилась. Она с обожанием посмотрела на мужчину и припала к нему макушкой. В ней воцарилось спокойствие. «Вот она – порядочность. Вот они – невинные прикосновения... Дмитрий...».

– Вы красивая, Катя. Прошу, никогда не думайте о смер-

ти.

«Как он прекрасен! Как добр, как благороден! Я не сержусь на него... он заберёт меня сразу, как это станет возможным!». Дворянка прикрыла глаза и потёрлась носиком о белую, пахнущую не заводом и маслом, а свежим мылом, рубашку.

С задней стороны Тамара, отошедшая от брата и Олега Владимировича на пару минут после намеренного карточного проигрыша, прислонилась ухом к дверце. Было тихо. Тамара приоткрыла створку. Катерина, не слышавшая ничего вокруг, кроме сердцебиения Дмитрия, не отстранилась от мужчины, но почувствовала, как он повернул голову. Дмитрий триумфально улыбнулся Тамаре. «Идиот. Знает, что с ней будет, если Боря увидит». Работница, укоризненно вскинув брови и поджав губы, покрутила пальцем у виска, на что Дмитрий вольготно пожал плечами.

IV

Ирина, Авдотья и Зоя были почти неразлучны. Зоя и Авдотья, как старшие, наставляли двадцатилетнюю Иру на «путь истинный». Зоя, которая была взрослее Ирины на четыре года, не упускала возможности подтронуть над подругой из-за её неопытности в той или иной сфере. Обе женщины не были замужем и, следуя примеру Тамары, туда не собирались, несмотря на сватовство завидных женихов-телеграфистов и типографщиков.

Зоя и Ирина росли в одном селе, оттого и повадки имели схожие. Обе были невиданные хохотушки. Их фигуры были одинаково крепкие, как у всех работающих крестьянок в их деревне, и одинаково привлекательные. На лице Зои в солнечный день проглядывались бледные веснушки, а лицо Ирины пятнышки засеяли полностью. Женщин нередко принимали за сестёр: у обеих белые волосы волнами разливались по широким, рабоче-крестьянским, плечам, а серые монгольско-узкие глазки постоянно смеялись.

С Авдотьей Ильиничной, сорокалетней вдовой, коренастой и внешне грубой, Зоя и Ирина встретились на заводе. Сразу сдружившись, Авдотья Ильинична стала для них просто «Дуня». Узнав, что мужа и четверых сыновей Дуни повесили по военно-полевому суду якобы за дестабилизацию ситуации в государстве, Зоя и Ира, так же потеряв-

шие братьев, долго сочувствовали подруге. Перестали они сочувствовать лишь тогда, когда осознали ненужность этого сочувствия. Сердца трёх разгорелись пламенем мести. Тогда-то им и встретилаcь Тамара.

Поначалу Борис, что называется, «приударил» за Зоей, в которой не сразу разглядел характер сестры. Прижав один раз женщину к стене, он немало удивился, когда Зоя рассмеялась, а потом плюнула ему в лицо. От этого плевка он отшатнулся, как от летящего булыжника, и женщина высвободилась из объятий. Зоя рассказала обо всём Ирине и Авдотье, но не с целью пожаловаться. Следующие две недели женщины, проходя мимо отмахивающегося от насмешливых приветствий Бориса, залиvisto хихикали. Зоя, Ирина и особенно Авдотья совершенно не боялись брата Тамары, а вот он их опасался и сторонился (в частности Зою). Постепенно они привыкли к его угрюмому выражению лица при их появлении и захотели познакомиться с ним короче. Так они стали собираться после работы за графинами.

За день до появления Катерины в квартире Алексеевых женщины были в своих сёлах. Они, как и Тихон (с ним Ирина находилась в особенно близких отношениях), активно, но незаметно для помещиков, подговаривали односельчан на противодействие. Они понимали, что одним разом это не кончится, что это – только начало. И они не сдавались.

– Ха-ха! Только не говори, что ты до сих пор не ходишь из-за Мирона в кабак, – Зоя от нахлынувшей весёлости била

кулаком по столу и издавала нечеловечески писклявый хохот.

– В кабак? Он теперь без сопровождения только к Кате ходит, – задорно подхватила Тамара. Борис раздражённо закатил глаза и налил в рюмку алкоголь. – Ну, братец, не дуйся! – работница потрепала брата по голове.

– Барышня ваша дурнушка. Давно тебе, Борька, скелеты начали нравиться? – хихикала Ирина.

Авдотья много не говорила и, как самая старшая и ответственная за всех, лишь усмехалась и пила водку, но здесь не промолчала:

– Ёры! Болтливые вы бабы! Девка-то услышать может.

– Мы-то ёры? – расхохотались Ирина, Зоя и Тамара.

– Ещё какие! Как ослихи ржёте! – Авдотья опрокинула ещё рюмку. – Ты ж, Тома, сколько раз баяла, что акое бесстыдие девок обижать, а сами... расщеколды вы, вот кто!

– Расщеколды! – от смеха женщин Авдотья и сама заулыбалась.

– Дунь, а ты посуди: на кой она им теперь? Тома от неё получила всё, что хотела, Боря, кажется, тоже, – Ирина и Зоя озорно переглянулись пьяными глазами.

– Из неё революционерка, как из Бори певец. Толку от неё мало... – размышляла Тамара. – Но права Дуня. Слишком мы с Катей. И я хороша. А что прикажешь делать? Отпускать её нельзя...

– И не надо, – перебил Борис заплетавшимся языком.

Тамара сделала вид, что не услышала его слов.

– Она ведь настучит. Остаётся только прихлопнуть. Дурного она не делает, убирает. Все обязанности выполняет. Зверь я, что ли, ни с того ни с сего стрелять?

– Яко не зверь-то? Ей на том свете было бы краше.

«Вот и Щербаков так говорит... – с досадой подумала Тамара. – Нет. Всё это моя пьяная голова! Катя ещё пригодится».

– Чего вы разбалакались о таких глупостях? – неожиданно возмутилась Зоя. – Какие у тебя планы на фабрику? Мы для того и собрались.

Зоя хлопнула по плечу уснувшую на столе Ирину.

– Маракуша! – вскрикнула Ирина. Спящая Катерина дёрнулась, но не проснулась. – Егда я ещё в тепле и тишине посплю?! Я как переехала в город, так и живу в бараке. Ты видела наш с Зоей барак, Дунечка? Тома-то ходила... Я и тебя водила, вроде... Мильон чад горло рвёт, а я ючусь за пологом! Ещё и мужики повадились приставать. В кости, мол, не хотят без нас. А это хорошо летом, а ежели зимой? Босой по земляному полу!

Заспанная Ирина ещё долго ругалась бы, если бы Тамара не прервала её пылкую речь:

– Говорунья. Когда-нибудь общим трудом мы построим социализм, тогда будут у тебя и свой дом, и своё хозяйство, и всё у тебя будет. Сколько мы обсуждали это? Представь, что через несколько десятилетий людям не придётся горба-

титься за станками, чтобы заработать на горбушку хлеба, – воодушевлённо вещала работница.

– И что же, – вмешался Борис, – никто не будет работать, и каждый будет иметь и дом, и хозяйство? – он недоверчиво покосился и потёр сонные глаза. Женщины с удивлением уставились на мужчину.

– Ты как маленький, Борисик! – всплеснула руками Ирина. – Ты что, не читал Блана? Бессовестный! Знаешь, с каким трудом мы с Зойкой книжку у Иртышева из соседнего барака выпросили?!

– Ну, ну, не кипятись, – усмехнулся рабочий, – что там написано?

– «От каждого по способностям, каждому – по потребностям», – ответила с укоризной Тамара.

– Я же значит, что не «никто не будет работать и всё иметь», яко ты баял, – улыбнулась Авдотья, – а, наоборот, все будут обязаны трудиться.

– Не будет денег, а только чистый бартер! Зарплату будут выдавать не грошами, а нужными вещами! Вот нужны тебе, скажем, галоши. Пожалуйста, получай! – веселилась Зоя.

– Ну и на кой мне десять пар галош, если на деньги я бы мог купить одну, а с ней и мыло, и еду, и бутылку водки? – он ткнул пальцем на сосуд со спиртом.

– Почему десять-то пар? – возмутилась Ирина. – Ты придёшь в бюро и скажешь: «мне, мол, надобны галоши, мыло и водка. Извольте так выдать». А тебе отвечают: «конечно,

Борис Степаныч, забирайте!». А на остаток к цирюльнику поведут, если нужен.

– А откуда ваш цирюльник-то возьмётся, если на себя и на частников работать нельзя будет? – недоверчиво продолжал рабочий. Тамара покраснела.

– Так государственный-то цирюльник будет! Всё будет государственное и, выходит, общее.

– Государственный цирюльник? Государство людьми владеть будет, как баре крепостными раньше, что ли? – Борис усмехнулся, но работницам стало не до смеху.

«Что он несёт?!», – хваталась за голову Тамара.

Помолчав, выпив пару рюмок и подумав каждый о своём, гости вновь возобновили беседу:

– Так что ты, Тома, всё-таки придумала? Коли Сафронов фабрику не продал, с ним, выходит, что-то делать нужно?

Тамара, уйдя в себя, незаметно вздрогнула от звонкого голоса подруги.

– Ну, слушайте.

Она огласила план. Все, кроме невнимательно слушающего Бориса, высказали предложения и внесли дополнения. На том и сошлись.

Четвёртая часть.

I

Завершился очередной рутинный рабочий день. Сегодня всех трудящихся задержали на один, тринадцатый, час из-за, якобы, невыполнения ими нормы, установленной в шутку пятилетним сыном Сафронова. Усталость сильно ощущалась, но пропустить собрание было нельзя. И не хотелось.

– Патруль не усилили. Щербаковский хвост не проболтался, – шипя, сказал Борис.

– Либо Катя побоялась рассказывать... – озадаченно протянула Тамара. – Так или иначе, но на него ничего нет.

– Ну, Катерина! – усмехнулся мужчина. – Цацкаемся с ней, а она ведь из тех, «которыми можно пользоваться, как третьей и четвёртой категорией мужчин», то есть «эксплуатировать ... и сделать их своими рабами».

Тамара в удивлении выгнула бровь.

– Ещё вчера перед бабами чушь молол, а сегодня Нечаева цитируешь? Лучше бы три недели назад у Щербакова так Диме рот затыкал.

– Да я только эту фразу и запомнил, – они посмеялись. – Ну, что скажешь?

Женщина хмуро задумалась. Она вспоминала слова Ав-

дотьи и Щербакова о положении Катерины. Фразы обоих отпечатались в сердце Тамары. Ночью она поздно уснула, глядя на съёжившуюся от холода на полу Катерину. «С Димой ей было хорошо». Девушка вертелась и тихо лепетала во сне неразборчивые просьбы. В один момент она чуть вскрикнула, скинув с себя простыню, но сразу же успокоилась, как только Тамара обратно накинула на неё одеяло. Работнице не давал покоя вопрос: «И что нам с ней делать?». Она осознавала, что может запретить брату всё что угодно, кроме своеобразного общения с Катериной, – он сделает вид, что услышал, но продолжит с ней сходитья, только уже втайне от Тамары, когда она ничем не сможет помочь Кате.

– Скажу, что ты довольно её эксплуатируешь.

В подвал заходили по одному.

Зоя, Авдотья и ещё несколько мужчин стояли возле белой от ужаса Ирины. Её веснушки от бледности горели ещё ярче. Тем не менее не так ярко, как синяк под глазом. Окружающие возбуждённо размахивали руками, кричали и хлопали Иру по плечу.

– Что такое? – возмутилась Тамара.

– Тихон... – по коже крестьянки побежал озноб, – умер...

Повесили моего Тишу!

Уже упоминалось, что Ирина с Зоей дали себе «обет безбрачия», но это не мешало обеим встречаться с мужчинами. Зоя решила не ходить на свидания с одним кавалером более одного раза, как, поначалу, и Ирина.

Тихон и Ира и раньше замечали друг друга на собраниях подполья, но приглянулись друг другу совсем недавно. Видеться часто помимо сборов и после у них не было возможности. Хотя они и не состояли в общинах, Ирина к тому времени уже жила в городе, она не могла бегать в село к женатому мужчине.

«Как повесили?!» – про себя вскричала Тамара, но внешне не подала виду, чтобы не потерять лицо.

– А раскрасил кто? – безразлично поинтересовался Борис об ушибе Ирины.

– Баба его бешеная поставила! – злилась Зоя. – Тиша-то перед казнью дружка попросил Ире нож его любимый передать, а он, тупица, жене разбалакал. Та сразу смекнула, где Ира может быть. Приехала и подсторожила у завода! У-у-у, противная баба!

– Да за что его повесили? – нетерпеливо спросила Тамара.

– Он с Саввой, соседом своим, балакал о революции, а хозяин его услышал! – чеканила Зоя за почерневшую и глядящую в одну точку Ирину.

«Сдал!» – заподозрила Тамара.

– Его, бают, пытали, – Авдотья полыхала от злости.

«Точно сдал! Только выйдем, а нас бац! И схватят».

– Пытали, да... – Ирина закрылась руками и помотала головой. Мужики рядом негодуяще заухали. – Его жена мне потом на грудь кинулась и кричит: «Что же за напасть пришла Тишеньке моему в голову! Я его о чём ни спрошу, ни-

чего не рассказывает! «Деревенская баба – дура! Не поймёшь!». Ничего больше не говорил!». Она и не знала, куда он на самом деле ездил в город. Знала лишь, что торговал недалеко от нашей фабрики... Так и отыскала меня.

«Тихон никогда не подводил... мог ли сейчас?» – Тамара опустила голову вбок.

Работница перебирала в голове всё связанное с Тихоном. Мог ли предать человек, рискующий попасть под опалу частыми разъездами, не только в торговые дни, в город? Мог ли предать тот, кто собственными руками задушил сына за отступничество? Мог ли предать друг?

– Товарищи! – все повернулись к Тамаре. – Братья и сёстры! Вы всё слышали. Сегодня мы потеряли близкого человека! Его смерть – удар, но она не напрасна. Тихон многое сделал для маленькой революции в нашем городе (она ещё настанет!), он многое сделал для каждого лично! – Ирина сдерживалась, чтобы не заплакать во весь голос. – А теперь, товарищи, подумайте: заслужил ли Тихон эту смерть?! Цензуру, товарищи, нарушил! А ведь цензура, братья и сёстры, нужна лишь за одним: чтобы жизнь царьку сохранить и людям честным рот заткнуть! Неужели вы готовы терпеть такой произвол?! Готовы ли вы идти на эшафот за одно лишь свободомыслие?! – поднялся гул. – Не надоело ли вам хоронить родных, убитых за желание растить детей в достатке?!

Но знаем, как знал ты, родимый,

Что скоро из наших костей

Подымется мститель суровый,

И будет он нас посильней!

– Тома справу говорить! – выпалил малоросс Яша. – В першу революцию он чого домоглися. Чого зараз боимосся? Геть господарив, геть несправедливість!

– Долой, долой, долой! – вскричала толпа. Борис молчал.

– Тише, хлопцы, тише! – осторожно вошёл Щербаков. –

Шум привлекает лишний интерес.

– Олег Владимирович! – поприветствовала Тамара. – Ты вовремя. Товарищи! – обратилась она ко всем. – Положение Сафронова нынче нестабильно. Согласны ли Вы дойти до победного конца?

– Согласны!

Тамара чувствовала себя победителем. Из головы испарились мысли о Катерине, о Борисе и Олеге Владимировиче, обо всём. Внутри билась одна идея, не дающая покоя – мятеж.

– Тогда слушайте, что мы завтра сделаем...

II

Неделя на ткацкой фабрике началась беспокойно. Пока Сафронов Глеб Юрьевич с пристальностью жандарма разыскивал остатки рома в потайном шкафчике, рабочие собрались на обед. Со своей половины мужчины переглядывались с женщинами, ожидая сигнала.

– Ну, Тома, время пошло. Когда начнём? – подталкивала Зоя.

– Погоди немного, – Тамара не отводила взгляда от мужской половины, в которой велись бурные переговоры с рабочими, не состоящими в подполье. – Мы почву среди баб протоптали, теперь их очередь. Не забыла, что должна сделать? – Зоя кивнула.

Губанов собрал вокруг себя публику. Они жарко дискутировали о вольностях Сафронова, о его несостоятельности и отсутствии жалости к живым людям. Борис изредка поддакивал. Неожиданно мужчины подняли шум, согласившись со всеми утверждениями Губанова. Тамара, проследив за ними, кивнула рабочему.

– Он меня так кочергой треснул! Абросим, тебя же он тоже лупасил?!

– Лупасил, Гоша, лупасил! Он нас всех лупасил! – неистово заорал Абросим.

Тамара услышала.

– Бабы! Слышали, что творит Сафронов?! Янка, он ведь приставал к тебе, а? Приставал?

Жующая кашу Яна подавилась.

– Понравилось? – хитро дразнила работница. – Небось понравилось, раз молчишь! А тебе, Лиза, понравилось? А тебе, Стеша? – те же вопросы задавала Дуня в конце ряда. Женщины вспыхнули. Работница вылезла со своего места:

Разоривши, призывает,

Как рабынь в свой кабинет,

И в любовниц обращает...

На него управы нет!

– Бабоньки, хотите закончить под ним в кабинете? Али у печки под горячей кочергой, мужики?

– Я не хочу! – крикнули в один голос выскочившие из-за стола Ира с Зоей.

– Я не хочу, – по уговору с Тамарой лениво поднялся Борис.

– Я не хочу, – басом произнёс ткач Антон и также встал.

За стоящими рабочими вышли остальные, и даже буфетчик с поварами не остались в стороне. Загудели угольщики, ткачи, носильщики и швей, – они застучали по всему, что попадалось под руки: столы, шкафы, окна. Окружённая Тамара забралась на стул.

– Так не станем же этого сносить! – она вскинула сжатый кулак. За ней повторили. – Отомстим Сафронову за детей, жён, мужей, потерянное здоровье и время! Отомстим за всё!

*А деспот пирует в роскошном дворце,
Тревогу вином заливая,
Но грозные буквы давно на стене
Чертит уж рука роковая!*

Вникнув в д'арковскую речь Тамары, мужчины и женщины немедленно ринулись к кабинету фабриканта, едва не сбив работницу со стула.

«Дело за малым. Они его растерзают, а Олег Владимирович оформит фабрику на себя. Свершилось. Свершилось!».

Работники рушили всё, что встречалось на пути, а на пути встретила дверь в кабинет. Подвыпивший Глеб Юрьевич собирался взвизгнуть «прочь!», но не успел. Откуда-то один из кочегаров вытащил кочергу, ткачи достали рубели. Неистово они колотили фабриканта и кричали торжественное «ура!». Тамара растворилась в толпе, а Борис и несколько других «смельчаков» плелись в хвосте.

На фабрику ворвалась гвардия жандармов. Полиция хватала всех без разбору (но в основном тех, кто был ближе). Под раздачу попал пекарь Серёжа с кухаркой Таней, кочегар Андрей, доменщик Саша, пять ткачих, двое носильщиков, шесть угольщиков и Борис.

Тамара и другие женщины разбегались по сторонам. Мужчины, что были ближе к телу, спрыгивали с лестниц. Некоторые попадались в руки гвардейцев.

Слух о смерти Сафронова тут же разнёсся по городу. Олег Владимирович, не теряя времени, поехал к нотариусу

оформлять документы на владение фабрикой. Скучающий бюститель печатей и юридических соглашений быстро составил бумагу на подпись.

– Вам осталось получить согласие супруги покойного, – юрист поправил скатившееся пенсне толстым пальцем.

Согласие супруги Глеба Юрьевича Щербаков получил сразу, как она узнала о гибели Сафронова. Она считалась дамой высшего света, поэтому в мужнины дела никогда не вмешивалась и не собиралась брать на себя ответственность за целый завод. Более того, детей в браке у них не было (Сафронов обзавёлся лишь бастардами) и, следовательно, на наследство она претендовать не могла.

Пока Щербаков решал юридические вопросы, полиция разбиралась с поднятым бунтом.

– Что знаешь, сука?! Говори! – Борис, лёжа на мокром полу темницы, старательно уворачивался от бьющего его по лицу жандарма.

В таком положении он находился больше восьми часов, не проронив от боли ни слова.

– Гена, ты хоть продохнуть ему дай! Всю рожу исцарапал! Как он тебе расскажет?!

Полицейские посадили Бориса на лавку и дали стакан.

Так вышло, что из подполья повязали только брата Тамары. Остальные слишком быстро попрятались по потаённым местам фабрики. Никто из рабочих и работниц ничего не рассказал жандармам потому, что ничего и не знали, а Борис

ничего не говорил потому, что говорить ему не дали вовсе.

– Ну, сука, напился? – грозного вида жандарм под два метра отобрал воду у избитого. Оба окинули друг друга презрительными взорами.

– Кто зачинщик? – спросил второй.

– Не видел, – отрезал мужчина. Его ударили по щеке. – Не знаю я, кто начал! Знаю только, где они собираются. Скажу, только не бейте больше! «Спросят про Тамару – сдам! Только бы не били!».

– Откуда знаешь, сволочуга?! – полицейский замахнулся. Борис закрыл лицо скрещенными локтями.

– Мимо шёл. Никого из знакомых. Просто видел.

– Все с одного завода, и никого не знаешь? Врёшь ведь, скотина! – двухметровый жандарм пнул Бориса.

Рабочий, шатаясь от ударов, собрался сознаться, но его прервал напарник бьющего.

– Гена, их там несколько сотен. Как всех запомнишь? Давай кончать с ним, моя Любка вот-вот родит. Выясни, где он их видел. Для протокола хватит.

– Ну и где? Отвечай, скот!

Борис, не назвав ни одного имени, выдал место сборов подполья.

III

Наутро Щербаков стал официальным владельцем ткацкой фабрики, но перед началом работы считал своим долгом освобождение схваченных рабочих. У начальника тюрьмы он сидел с шести утра и отчаянно спорил с ним:

– Да выпусти ты их, Семён Валерьич!

– Да как я их выпущу, Олег Владимирович? Мне за это такой... дадут!

Волосатый глава местной полиции усиленно расчёсывал свои густые бакенбарды, тыча аккуратным, будто дамским, ноготком в постановление.

– Ты видишь, Олег? У меня по документам не меньше пяти задержанных должно быть! Как я выкручусь, коли подымут?

– Сёма, ну выбери ты шестерых, а остальныхпусти!

– Ну и кого тебе не жалко? – начальник вздёрнул маленькую сплюснутую голову и разложил фотокарточки рабочих.

– Ну, вот этого точно можешь не открывать. Редкостная гадина, – Щербаков поморщился и вернул фотографию пекаря Серёжи.

– Я бы ещё эту оставил, – съехидничал Семён Валерьевич, указав на портрет ткачихи Анны Денисовны.

– Баб не оставлю, ловелас старый.

Достаточно фамильярное общение мужчин объясняется

тем, что Щербаков являлся крёстным недавно рождённого племянника Семёна Валерьевича, поэтому им много приходилось пересекаться на застольях и других мероприятиях.

– Тогда давай решим так.

Семён Валерьевич перевернул фотографии и на «эники-беники» отсчитал пять. На одном из снимков было написано: «Алексеевъ Борисъ Степановичъ, 24.06.1874».

– Погоди, Сёма. Покажи этого, – попросил Олег Владимирович.

– Знакомая рожа... где-то я его уже встречал, – он задумался. – Точно! Ты пару лет назад его освобождал. Вы как-то связаны?..

– Выбери вместо него другого.

– Почему? – начальник подозрительно сощурился.

– Ну какая тебе разница? Отпусти этого.

Семён Валерьевич почувствовал, что у него появился рычаг давления на Олега Владимировича. Оставлять людей у себя в долгу он не любил и решил воспользоваться возможностью без замедления:

– Триста.

– Сколько?! – возмутился фабрикант. – Триста?! Пять дойных коров! Грабёж!

– Тогда я его оставляю, – полицейский хмыкнул и бегло пожал плечами.

– Давай двести?

– Двести шестьдесят-с и девица.

– Чёрт волосатый! – Щербаков достал кошелёк (он имел привычку носить в нём крупные суммы). – Триста так триста, но отпускаяй сейчас же. И всех.

– За остальных ещё шестьсот... – Семён Валерьевич свысока смотрел на стол, в ожидании постукивая по нему.

Олег Владимирович выругался, но спорить не стал. Мужчины пожали друг другу руки. Особенно довольно выглядел Семён Валерьевич, заключивший удачную сделку.

Рабочих выпустили и под конвоем довели до работы.

– Вы не беспокойтесь, господа, – обращался Олег Владимирович к жандармам, – можете быть свободны. Я уверен, что мне ничего не угрожает.

Стражи, не желая задерживаться, разошлись.

– Боря! – сестра Бориса и три её подруги подбежали к мужчине, с ужасом осматривая его синяки. – Как ты умудрился попасться?!

По завершении мятежа на фабрике счастливая Тамара бросилась искать брата. Губанов отвёл её в сторону от ликующих рабочих и рассказал, что Бориса отвели в темницу.

В ту ночь она появилась дома под самое утро. Катя хоть и недолюбливала Тамару, но заскучала без ежевечерних бесед, поэтому быстро впала в сон. (Последние две недели её слишком часто туда клонило.) Пока рабочие отмечали свою победу недалеко от подвала для собраний, Тамара разговаривала с Щербаковым. Она выразила доверие, что он не оставит её и Бориса в беде, а он, добродушно улыбнувшись, уверил её

в правоте.

Групповое торжество прекратилось к двум ночи (в то время закончили допрос Бориса). Рабочие компаниями расходились по баракам, а Тамару провожал её благодетель.

– Олег Владимирович, мне кажется, или у подвала гвардейцы?

Ей не казалось. Они прибыли туда после ухода толпы по наводке брата Тамары.

– Кто-то рассказал... нужно предупредить остальных, что пока собираться не получится.

Женщина радостно потрепала Бориса по плечу, но в душе её зародилось беспокойство. «Он единственный из попавшихся знал про подполье... но если он рассказал, почему мы до сих пор живы?.. За ним установили слежку? Он согласился им обо всём докладывать?.. Чёрт! Теперь нельзя с ним обо всём трепаться. Нужно говорить с умом... А если это не он, а кто-то из простых работников?.. Шли мимо и видели нас... Чёрт, чёрт, чёрт! Братец, как же так получилось?!».

– Товарищи рабочие! Товарищи рабочие!

С Щербаковым были знакомы далеко не все. Над ним посмеивались юноши в картузах и девушки в платках, замолкающие тут же под твёрдыми взглядами старших.

Щербаков поднялся на импровизированную сцену.

– Товарищи рабочие, я бы хотел представиться. Меня зовут Олег Владимирович Щербаков, я новый владелец фабрики.

Все, на удивление, слушали молча, словно ожидая приговора.

– Я наслышан о ваших бедах. Да, товарищи рабочие, потерпелись вы от прошлого, извините за это слово, хозяина! Друзья, товарищи! Я не допущу того произвола, что здесь творился. Рабочие и работницы! С этого дня я сокращаю ваш трудовой день на три часа, – они, не поверив, переглянулись. – Я запрещаю работу по воскресеньям. Господа! С сегодняшнего вечера начинается стройка яслей и рабочего общежития, квартиры в котором будут бесплатны для проживающих в бараках рабочих и работниц.

– Брешешь!

Возмутившегося юношу хлопнули по затылку.

– Товарищи, я понимаю ваше недоверие, но мне бы не хотелось, чтобы оно затянулось. Сегодня вы все работаете ровно до четырёх.

Зоя крепко держала за руки Иру, растягивая губы в блаженной улыбке. Подруга с подбитым глазом тоже была весела, но жалела, что не сумеет поделиться эмоциями с Тихоном. Губанов и Авдотья обнимались, безмятежно хохоча. Борис с Тамарой вели себя сдержанно, раздумывая о своём.

IV

Прошло три дня. Олег Владимирович держался уверенно на новом месте и считался среди рабочих кем-то вроде божества. С его прихода на заводе изменилось всё: от рассадки в столовой, где наконец мужчинам позволили обедать с женщинами, и еды до преобразования рабочих мест. В эти три дня прошло массовое страхование здоровья рабочих, а некоторые особо нерасторопные работники уже получили гарантированные выплаты, подняв тем репутацию нового фабриканта.

Тамара была очень довольна своим планом. Плохо было лишь усиление охраны участка с подвалом. Впрочем, недовольств больше не возникало ни у кого, и группа подпольщиков временно распалась. На самом деле, для Тамары не было секретом, что как таковое тайное общество им не требовалось, ведь на многих заводах забастовки происходили стихийно, но, к счастью или к сожалению, безрезультатно. Для достижения успеха она считала немаловажным фактором подготовленную организацию, и выходило, что без встреч обойтись нельзя. Более того, фабрикант Сафронов настаивал на раздельном труде и обедах, а из этого следовало, что на работе для Тамары, не желающей оставаться в чьей-либо тени, общение с мужчинами затруднялось. Также среди подпольщиков было несколько крестьян (в их число входил и

Тихон), для которых подполье являлось единственным способом достать оружие для собственных, деревенских, «стачек». Вместе пришли к выводу, что подполье лучше всё-таки создать.

Довольство Тамары планом омрачало недоверие к брату. «Кто ещё мог рассказать, если не он? Но мы на свободе. Может и правда кто другой? Может, кто из жандармов видел? Боря, Боря! Единственный родной человек, сколько мы пережили... Нет! Это не повод отметать подозрения. Чёрт!».

Борис, облизываясь и приглаживая подровненные усы, ходил вокруг смеющейся Тамары.

– Я соскучился, – он подхватил Тамару под мягкие локти и поцеловал в мочку уха.

Тамара усмехнулась и собиралась отстраниться к подоконнику, но передумала. «А ведь это отличный момент проверить его на вшивость. Дожила! Боре не верю!». Она приняла его ласки, поцеловав в разбитые жаждущие губы.

– Выглядишь, как мешок с выкинутыми котятками, – говорила она сквозь поцелуи. – Долго били?

Рабочий нехотя отрывался от тёплой кожи, компенсируя потребность вернуться к ней касаниями изувеченных иглами шершавых пальцев к мышцам под тщательно вычищенной Катериной от крови косовороткой.

– Думал, прикончат.

В далёком отрочестве Борис часто трогал Тамары за тогда ещё длинную косу. Повзрослев, она перестала позволять

ему это. Она замечала неадекватные изменения и внезапно возникающую агрессию в нём, когда он возился с женскими волосами. Ещё Тамара обращала внимание на то, что поглаживание головы самого брата действует на него невероятно позитивно: он становился разговорчив, ласков. Сейчас, как и много когда раньше, она воспользовалась этим приёмом.

– Бедный. Наверняка всю ночь пытали, – Тамара, дотрогнувшись до волос, прижалась плотнее. – О чём спрашивали?

Борис лез с поцелуями, но Тамара не поддавалась, со смехом отворачиваясь. «Почему не отвечаешь на вопрос?» – осведомлялась она и не получала внятного разъяснения.

«Приёмчики свои использует? Я пока в здравом уме. Прибьёт, если узнает. Не сегодня, Тамара. Не от меня».

– Только били. Один раз спрашивали, кто начал, я... ничего не рассказал, и они продолжили колотить. Как колотили, Томочка! Собаки паршивые... а потом ушли. Не до работы им.

«Паузы делает. Лжёт? Или не до разговоров ему сейчас? Сколько они ему зла сделали... Не мог же так просто забыть... Или мог? Где твоя решимость, Тамара? С остальными болтовню не стала бы разводиться. Не был бы брат... Никаких родственных поблажек, угрожающих революции! Вместе попрошайничали, вместе голодали, вместе грелись... Грош мне цена как революционерке, если не могу отречься от всего человеческого!».

– Ты вся не своя в последнее время. Думаешь, думаешь, думаешь, – заметил Борис.

– И тебе бы не помешало, – женщина вновь захохотала и села на подоконник.

В кухню молча вошла держащая в руке пустой стакан Катерина. «Как он пахнет!.. Месяц... Он совсем не посещает нас! – вертелось в её аккуратной головке. – Когда же мы снова пойдём к ним в гости?».

Как ни странно, за время проживания, а это два месяца, Катерина преобразилась и набрала в весе.

– Какая ты толстая стала, Катя, – попытался пошутить Борис, ущипнув Катерину за бедро. Она, наливая воду, вздрогнула и бросила укоризненный взгляд, но не нарушила задумчивого молчания, – нужно тебя кормить меньше.

«Куда меньше?», – девушка налила воду.

– Это лучше, чем греметь костями, – заметила Тамара. Катерина повернулась к выходу. – Постой, – женщина пристально всмотрелась в лицо дворянки: – Прыщи мелкие. Умываешься плохо?

– Хорошо умываюсь, – хмуро пробурчала Катя и ушла.

– Шибко дерзкая стала, – Борис скрестил руки на широкой груди.

В мыслях Тамары пронеслось: «Тут действительно что-то не так».

Пятая часть.

I

Минуло ещё четыре дня. На фабрике рабочие впервые ни на что не жаловались, расходясь по домам после законного восьмичасового дня. Наконец появилась возможность брать отпуск, которой немедля воспользовалась Ира. На неделю она отправилась в деревню к вдове Тихона помогать с детьми и хозяйством. Зоя сказала, что будет очень тосковать без неё. Она просила пообещать Ирину, что та не променяет её на Анастасию Петровну. Без подруги Зоя зачастила к Авдотье Ильиничне и скоротала у неё шесть вечеров, – благо времени теперь хватало.

Прошла первая неделя хозяйствования Олега Владимировича, и он пригласил Тамару, Бориса и Катерину отметить это. Катерина очень обрадовалась этому и втайне спросила Тамару, будет ли Дмитрий. «А куда бы он делся?», – спрашивала Тамара. Её неприязнь к юноше значительно уменьшилась. «Он нас не заложил. Подполье сдал однозначно не Дима. Стало быть, крыса не он». К Борису Тамара стала относиться с пущей осторожностью, но сестринскую любовь переломить была не в силах.

Вместе с Катей они сидели на кровати, по-индуски под-

жав под себя колени, и по сложившейся традиции обсуждали прошлое работницы. Тамара не считала Катю подружкой, которой готова доверить самые сокровенные тайны, но Катерине казалось, что женщина настолько к ней благосклонна, что её смело можно назвать если не лучшим другом, то очень хорошим приятелем. «Она... не так отвратительна, как я считала...».

– Тамара... – робко промолвила девушка, в очередной раз перебрав в воспоминаниях объятие с Дмитрием.

– Да? – отозвалась работница.

– Прости меня за вопрос... мне, право, так неловко, даже стыдно, но...

– Ну?

– Скажи, пожалуйста... каким... с кем ты впервые поцеловалась? – выпалила покрасневшая дворянка захохотавшей Тамаре.

– Ну и вопросы! Снова о Диме думала? – Катерина смутилась. – Да видела я, как вы обжимались. Гляди, чтобы братец не прознал.

– С кем ты впервые поцеловалась? – тихо повторила Катя.

– С кем и ты.

Странное ошеломление блеснуло в сине-серых глазах девушки. Тамара равнодушно улыбнулась.

– Ты смеёшься надо мной? Такого не могло быть! Ведь он же твой... брат...

– Ну и что, что брат? Брат что ж, не мужик? – она произ-

несла это с аффектацией безразличия, но поджав губы.

В памяти Тамары возникла картина двадцатилетней давности, когда ей было не больше тринадцати лет, а Борис ждал свои шестнадцатые именины. Жили они тогда, как известно, с неработающей мачехой в однокомнатной квартире. Особенно подростки любили дни, в которые их жилище посещал сводный брат мачехи, Агафьи Мирославовны. Мартын приносил с собой различные сшитые игрушки, малюсенькие шоколадки, а один раз подарил Тамаре толстую книгу со сказками для практики чтения. Правда, ребят огорчало, что их выгоняли сразу после совместного чая с Агафьей и Мартыном на улицу в любую погоду.

– Боря, а давай притворимся, что ушли, а сами останемся?

– Как это?

– Ну, хлопнем дверь, а сами спрячемся на кухне.

Так юные заговорщики в пубертатном возрасте и договорились. Они хлопнули дверь и убежали за кухонный стол. Сначала не происходило ничего интересного, а потом послышался визгливый гогот вперемешку с тяжёлыми вздохами. «Давай глянем?» – подстрекала Тамара. «Давай», – отвечал ей Борис.

Они высунули из-за косяка по одному глазу. Тамара в единый миг вернулась в прежнее положение, но её брат продолжал смотреть на раздевающего и глядящего Агафью Мартына. Младшая сестра ошарашенно раскрыла веки и лихорадочно тянула Бориса за рукав, чтобы оторвать его от зрели-

ща.

– Отстань, Томка! – отряхивал от себя руку подросток. – Погляди, что творят!

Тамара зажмурила глаза и закрыла уши руками.

– Нет, нет, нет, ничего я глядеть не буду! Зачем я это затеяла!

– Да посмотри, посмотри! – мальчик рывком едва не вывалил Тамару в комнату.

Она, приоткрыв один глаз, на три секунды замерла и опять подвинулась под стол.

– И как взрослым это может нравиться?! – плевалась девочка. – Боря, зачем ты мне это показал? Зачем, зачем?!

– Сама хотела остаться. Да не тушуйся ты так!

Борис в крайний раз выглянул и увидел, как Мартын держит мачеху за разбросанные волосы. Внутри у него всё перевернулось, он почувствовал накатывающий страх... впоремешку с влечением.

– Томка... – подросток подполз к сестре вплотную, – а тебе не интересно, что в этом такого? – он дотронулся до её длинной косы.

– Я никогда не думала...

– Врёшь! – шикнул Борис. – Я слышал, как вы с девками хихикали, говоря *об этом*.

– Я... только чуть-чуть...

Не дожидаясь окончания фразы, Борис впился в несформировавшиеся губы, опоясывая неразвитый стан Тамары.

– Боря! Ты же брат мне...

– Они тоже не чужие, – Борис указал в сторону комнаты, нетерпеливо наклоняясь к Тамаре. – И с братом, получается, можно, – она нерешительно и неумело отвечала на новый поцелуй и смеялась, когда пробивающийся пушок над губой Бориса щекотал её.

– Так, так, так, – прохрипел, постукивая ногой, вошедший на кухню Мартын.

Катерина боялась нарушить отрешённый покой медлившей с ответом хозяйки квартиры; ей и не пришлось, так как Тамара заговорила:

– Я плохо помню. Не забивай голову пустяками. Это была детская шалость. Давай лучше о тебе пообщаемся.

– Обо мне?..

– Да. Как твоё здоровье? Выглядишь лучше, чем пару дней назад. Прыщей почти не видно, кожа подтянулась... – женщина сощурилась. – Ничего у тебя не болит?

Тамара и сама не понимала, отчего ходила вокруг да около главного. Она, привыкшая не лукавить и переходить сразу к делу, не торопилась объясняться напрямую. «Что-то я зачастила с наводящими вопросами».

– Голова немного болела... но всё уже прошло! Я здорова, я могу идти в гости!

– Голова, значит, – Тамара подняла глаза, – тебе это, видимо, пошло на пользу. Волосы сильно отрасли. Их как будто больше стало.

– Они раньше часто выпадали, а сейчас не падают вовсе...

Тамара вновь задумалась. Её не осенило озарение, ни единая эмоция не завладела её лицом, но она всё поняла.

– Тебя звал Борис? Понурилась. Вижу, что звал. Ложись сегодня на кровать, – твёрдо произнесла работница, – с Борей разберёмся.

– А куда же ты ляжешь? – удивилась девушка.

– Пойду в ту комнату.

– К Борису?..

– Да.

Катерина признательно улыбнулась и бросилась на шею к Тамаре.

– Спасибо, спасибо!

Женщина похлопала дворянку по спине и сказала ей сесть. Уже на выходе работницы Катя обратилась к ней:

– Тамара, ты меня прости за излишнее любопытство... Я сегодня спрашивала про поцелуй... Только поцелуй? «Боже! Грязь, какая грязь!».

Тамара вскинула бровь и улыбнулась так, как улыбаются маленьким глупым детям, называющим всех вокруг своими друзьями. Мгновение спустя улыбка стала снисходительной.

– А вот это уже не твоё дело.

Хохоча, Тамара щёлкнула Катерину по вздёрнутому носику так, что та сморщилась. «И правда не моё! Наверное, я и впрямь больна. Слышала кашель?.. Иначе почему она спрашивала про здоровье?», – подумала Катерина, накрываясь

ТОНКИМ ОДЕЯЛОМ.

II

По залу разлеталась звонкая мелодия одиннадцатой сонаты Моцарта, сменяя корсаковский «Полёт шмеля». Маленькие пальчики Катерины ловко бегали по бело-чёрным клавишам. На душе её было легко, сердце трепетало от каждой *его* похвалы, и голова кружилась так, как кружится она у барышень после первого вальса. И как весело ей плясалось под «Карнавал» Шумана с Тамарой, которую она уговорила потанцевать! Как безразлично пропускала она мимо ушей всякие слова Бориса, воодушевлённо слушая только дворянского сына, кокетничающего с ней целый вечер! Катерина впервые за два месяца почувствовала себя счастливой, не обременённой какими-либо проблемами. Не вспоминала девушка ни об отце, ни о матери, ни о чём, растворившись в лёгкой музыке и беседах о фабрике.

– Меня приятно удивляет, что я не несу никаких убытков от вашего предприятия, – обращался Щербаков, отчего-то иногда заикаясь, к Тамаре с Борисом, добродушно улыбаясь обоим.

Внутри него томилось что-то загадочное, совершенно личное, сбивающее с толку при любой фразе. Волнение читалось на пылающем лице Олега Владимировича, когда он решался заглянуть в тёмные мигающие глаза работницы, которые она от неловкости отводила. Мужчина не едино-

жды собирался сказать что-то очень важное, неотложное, но останавливал себя, поглядывая, словно извиняясь за старую ошибку, на Дмитрия.

Дмитрию тоже было хорошо. Его радовала проскакивающая по смуглому лицу Бориса злость, вызванная ядовитыми улыбками триумфатора и недвусмысленными его разговорами с пылающей от нахлынувшего блаженства Катериной.

– А что по-Вашему, Катерина Матвеевна, любовь? – спрашивал Дмитрий.

– Я, право, не могу сказать точно... – смущалась девушка.

– Как?! – театрально воскликнул юноша. – Вы так молоды, умны и прекрасны. Я не поверю, что Вы никогда не любили.

– Я хотела сказать, что я не уверена, что правильно понимаю *любовь*... Не то ли это чувство, когда ты не в состоянии думать ни о чём, кроме одного человека? Когда, казалось бы, не над чем смеяться, а удержаться не в силах? Любовь ли, когда готов пасть и когда не страшишься гибели? Если это любовь...

– Да, Катерина Матвеевна, это она, – растерянно и тише произнёс Дмитрий.

– ...тогда я люблю.

Диалог произвёл большое впечатление за общим столом. Дмитрий и Борис переглянулись с одинаково исступлённым удивлением, перешедшим в упоённую усмешку над оскалившимся рабочим. Олег Владимирович перестал слушать на словах о гибели; у него вспотели ладони, и он сильнее по-

краснел. «Напрасно ты так, Катя», – Тамара сочувствующе покачала головой.

Дмитрий ушёл почти сразу после беседы о любви, сославшись на неотложные дела с документами, с которыми ему поручил разобраться Щербаков.

– Мы тоже не станем задерживаться, – Тамара встала из-за стола, потянув за собой пышущего злостью брата и мечтающую Катерину. Олег Владимирович опешил и быстро выбрался за всеми.

– Томочка, стой. Я думаю, Борис с Катенькой дойдут без тебя...

Он переминался с ноги на ногу.

– Да, Тома, мы дойдём, – губы Бориса свело судорогой, зубы громко стучали друг о друга. Уже в проходе, наедине, он больно схватил Катерину, беспомощно, как загнанный зверёк, смотрящую на спину Тамары, за кисть и вытолкнул из двери на лестничную клетку.

– Олег Владимирович, ты бы отпустил меня... – обеспокоенно Тамара шагнула к арке.

– Подожди, Томочка, пожалуйста. Мне необходимо с тобой поговорить, – Щербаков дотронулся до руки изумлённой работницы. – Всё ведь так, как ты хотела, правда? И работа по восемь часов, и выходные, и страховка, и зарплаты... рабочие меня, кажется, уважают. Я делаю всё, что в моих силах, а ты... до сих пор в этой старой юбке.

Мужчина вытащил из кармана золотое кольцо с рубином,

под цвет карих глаз Тамары, и встал на дрожащее колено.

– Стань моей женой, Томочка.

– Олег Владимирович... – женщина громко выдохнула. – Мы ведь обсуждали это...

– Я помню, помню! Но теперь тебе не надо стыдиться своих нарядов перед другими. Я всем работницам по платью подарю, хочешь? И не бойся, что я заставлю тебя сидеть дома. Нет! Я в типографию тебя могу устроить. Ты же грамотная, Тома! Или ты переживаешь, что дети пойдут? Так не пойдут, если не пожелаешь! Томочка, радость моя, я на всё согласен. И Борис может с нами жить, если тебе так будет лучше. Тамара!

– Олег Вла...

– Я, может, стар для тебя? Ты ещё молода, красива... – Щербаков одёрнул себя, заметив, что повторяет за двадцатилетним Дмитрием.

– Олег Владимирович! – крикнула работница, топнув ногой.

– Томочка, откажись уже, чтобы я не мучился в ожидании!

– Я согласна.

– Отказаться? – уточнил огорчённо вздохнувший мужчина.

– Выйти за тебя. «Липовая революционерка! Где ты, прошлая Тамара?!».

В потухших от утраченной надежды глазах Олега Влади-

мировича зажглась искра. Трепеща от счастливого волнения, он снова упал на колени и, обняв фигуру Тамары, целовал её ладони.

– Тогда завтра я объявлю выходной для всех рабочих, и мы пойдём с тобой в церковь!

Тамара, убеждённая социалистка, отрицающая силу церковного брака, прервала ещё не начавшуюся пламенную речь Щербакова:

– Олег Владимирович, а так ли нам обязательно идти в церковь? Мы можем жить вместе, называть друг друга мужем и женой...

– Тамара! Я... может, ты и права, но... Я бы хотел... – у мужчины не получалось собраться, – я бы хотел, чтобы ты носила *мою* фамилию. Хотел бы ходить с тобой на все приёмы, чтобы ни у кого не возникло ни одной неправильной мысли... Если детишки всё-таки будут... то я хочу, чтобы они были моими *законными* наследниками, а не как... Тамарочка, я выполню все твои просьбы, только давай обвенчаемся!

Тамара задумалась. Поступиться ли принципом? А что скажут Зоя, Ира и Авдотья, когда узнают? Как она, предавшая свои же слова, будет смотреть в когда-то уважающие её именно за стойкость высказываний глаза?

– Олег Владимирович, вернёмся к этому позже... Давай лучше поиграем в «Путешествие»? – имея в виду популярную настольную игру «Путешествие по России». Она пере-

стала думать о происходящем до предложения.

– Конечно, Томочка... – Щербаков грустно улыбнулся.

III

Гнетущее молчание по дороге до дома вселяло животный страх в маленькое и излишне пылкое сердце Катерины. Противный лихорадочный озноб покрыл худенькие длинные ручки. Ледяной ветер обдувал бескровное личико с детский кулачок. Изредка она поднимала голову, чтобы посмотреть в искажённое бешенством мужественное лицо и разглядеть в нём хоть толику человечности, но Борис намеренно не опускал надменно поднятый подбородок. «Как же я могла быть настолько опрометчива! Господи, Господи, Господи, убереги меня! Господь милосердный, не дай учинить новую жестокость надо мной!». С коченеющих губ падала пламенная и беззвучная молитва Богородице. «Отчего же ты, Господи, не забираешь меня? Для чего испытываешь? Ты наказываешь грешников, я знаю, я верю... Но неужели я и мои несчастные родители большие грешники, чем он?..».

Казалось, что стены тесной квартиры сдавливают развивающиеся лёгкие восемнадцатилетней девочки, на которые оседал пыльный грязный воздух тёмного помещения. На ватных ногах Катерина прошла в комнату, дожидаясь приговора. Порывистым движением Борис перешагнул порог. Он двинулся к стене и резким выпадом прижал к ней Катерину. Напряжённой рукой ощерившийся мужчина схватил хрупкую шею, нестерпимо больно сдавив горло.

– Любовь, говоришь? Думать ни о чём не в состоянии? – широкая ладонь сжалась крепче. – Пасть готова, гибели не боишься?! – хрипло, по-змеиному, шипел рабочий.

Серые ровные глаза Катерины стали навывкат. Девушка дёргалась, как тряпичная кукла в руках умелого кукловода, стараясь высвободиться. С её впалых щёк на сомкнутый кулак стекали слёзы. Задышающейся чудились водившие хоровод белокрылые ангелы, и выплясывающие неприличный танец хвостатые черти. На этом бы и прервалась короткая жизнь, за которую уже не билась девушка, если бы Борис не кинул, как кидают уголь в печь, её почти безжизненное тельце на пол. Мужчина опустил на корточки рядом с Катериной и, задержав секундный взгляд на больных глазах, с размаху ударил её по лицу так сильно, что оно почернело. Катерина опёрлась двумя руками о пол.

– И за что тебе любить этого сдёргоумка? – с ласковыми нотами в пониженном голосе спросил Борис, прижавшись усами к горячему лбу.

– Ведь ты больше достоин? – откровенное презрение сочилось сквозь эту фразу так же явно, как сочилась кровь из разбитой женской губы.

Рабочий отстранился и, рывкнув с кривой усмешкой «шаболда!», дал вторую пощёчину. За ней третью, четвёртую, пятую... Судорожным рывком он потянул, вставая, распустившуюся косу вверх. Борис дёрнул за причёску, как дёргает утром за штору, обнажив выпирающие ключицы Кати.

– Твоя мать воспитала чудовище, – скалилась, смотря в потолок, Катерина.

– Заткнись, шлюха! – проскрипел мужчина.

В его груди неприятно кольнул старый осколок, хотя в памяти не всплыло ни одно забытое воспоминание. Он остервенело дотащил до стола за волосы кричащую девушку и ударил её лбом о дерево. Как когда-то барин его маму.

«Господи, я хочу умереть!». Катерина, едва рабочий ослабил хватку, шлёпнула его по голове и бросилась к стеклянному окну. Отчаянно она разбиралась с крепкими засовами, пока Борис приходил в себя. С пущей свирепостью мужчина кинулся на распахнувшуюся окно и ползущую в него дворянку. Борис оттолкнул Катерину от стекла за плечи, покрытые только изорванной рубахой. Безрезультатно он пытался закрыть выскальзывающие рамы. С неистовым криком Катерина, с трудом встав с пола, запрыгнула на спину Бориса, надорвав ему рукав. Она обхватила обеими руками его виски и била лоб о торчащий угол. Мужчина был сильнее. Покрутившись вокруг себя с грузом, он сбросил девушку, попутно поцарапавшую ему шею. Помимо царапин на его лице остались глубокие ссадины от оконного косяка.

– Тварь! – гаркнул Борис.

Рабочий пинал Катерину по ногам до тех пор, пока вся она полностью не свернулась калачиком, истошно заплакав. Борис, услышав горький писк, остановился, подхватил её на руки и аккуратно уложил на кровать, присев рядом. Он ис-

ступлённо целовал завывающую дворянку в макушку и гладил её по ушибленным местам, дуя на самые свежие раны.

– Катюша...

IV

В приподнятом настроении Олег Владимирович проводил давшую обещание поговорить в понедельник, то есть утром, Тамару. Ночь ему казалась не по-осеннему тёплой и светлой. Внезапно он подумал, что до этого жизнь его была как бы ненастоящая, что настоящей она стала только после обеда. Его бросало в жар от мысли о Тамаре и о подпитывающей надежде убедить её обвенчаться. Щербаков беззаботно прогуливался через свою фабрику, не обращая внимания на пьяных прохожих у питейных заведений. Он мечтал, как утром услышит голос *любимой женщины*, её согласие соединить с ним свою судьбу. Он шёл и не оглядывался по сторонам, где разместились шайки беспризорников и бездомных, доедавших отбившуюся от благородных хозяев собачку. Один из них, поменьше, подбежал к Олегу Владимировичу. Мальчик хлопал жалостливо просящими глазами.

– Дядечка, дай три копейки на хлеб, – ребёнок протянул ладошки.

Щербаков, не раздумывая, достал бумажник и вытащил оттуда четыре рубля.

– Держи, малыш. Здесь на всю семью должно хватить.

Пока Олег Владимирович трепал благодарного мальчика по голове, его сопровождающие недобро и с оскалом наблюдали за фабрикантом.

«Тихо. Обошлось?», – размышляла стягивающая ботинки Тамара. В своей комнате она проверила сохранность когда-то подаренного ей платья и вспомнила, что два с лишним месяца назад оно хорошо на неё село. Не обнаружив в постели Катерину, она направилась к Борису. Женщина окинула быстрым взглядом бережно укутанную в простыню спящую дворянку и задержалась на штопающем рубаху брате.

– Мило, – Борис поднял голову. – А это что? – пальцами Тамара вздёрнула подбитое лицо рабочего за подбородок. Она пригляделась к Катерине.

– Ай! – вскрикнул уколотившийся иголкой Борис, когда сестра ударила его по затылку. Катерина всколыхнулась, но не подала виду, что не спит.

– Ты совсем озверел?! На ней живого места нет! – Тамара дала ещё один подзатыльник вскочившему Борису.

– Да всё на ней есть! Я только по лицу да по ногам, чтобы глазеть не на что было.

– Ты идиот, Боря! Ты представляешь, какие могут быть последствия?!

Он бросил иголку на стол. Работница отобрала у него рубашку и начала лупить ею шатающегося во все стороны, закрывая то лицо, то голову, Бориса. Катерина, приоткрыв один глаз, внутренне улыбнулась.

– Да ошалела ты что ли, Тома?! Что с неё станется?

– С неё-то, может, и ничего, – Борис вскинул бровь. –

Обрюхаченная она.

Сердце девушки сжалось. «Вот почему она интересовалась здоровьем... Господи, Господи, Господи, за что! Боже, забери этого ребёнка!». Борис озадаченно похлопал глазами и тут же рассмеялся.

– Я-то, дурак, испугался, что что-то серьёзное, а ты с ерундой. Ну обрюхаченная и обрюхаченная, что разбубнелась? Она, может, и не выносит. Костлявая шибко.

«Господи, только бы не выносила!», – молила про себя дворянка.

– Ну а коли выносит? – скрестив руки, спросила Тамара. – «Рассказать ли ему о предложении?», – держалось в её мыслях.

– Ну и ничего. Будет на одного Бориса больше. Ну, в крайнем случае, на одну Тамару.

«Не расскажу. Он ли доложил?..». Работница усмешливо вздохнула. Мужчина, приняв наигранно серьёзное выражение лица, сомкнул брови и надул губы, а после рассмеялся, рассмешив и сестру.

«Ещё один такой же, Господи!».

V

Катя спала беспокойно, внимая объяснениям Бориса по поводу сломанной задвижки окна, на раме которого засохла тёмная кровь. Выслушав брата, Тамара опять залепила ему подзатыльник и сказала, что Катерину ни при каких обстоятельствах нельзя оставлять одну во избежание очередной попытки самоубийства. Насчёт ребёнка решили так. Если родится чересчур крикливым, то отдадут в приют; если же он им понравится, то оставят на воспитание матери (не сделает же она ничего с родным чадушкой?).

За часы бодрствования Тамара много раздумывала над разговором с Щербаковым. Она всё больше склонялась согласиться. «Если пораскинуть... Олег прав. И мне так будет проще связаться с нужными людьми на приёмах... Среди них наверняка найдётся парочка честных людей, как и я мечтающих о всеобщем равенстве... Да и разве я обещала не выходить никогда замуж? Это Ира с Зоей дали друг другу какой-то обет, а я не давала. Ах ты, лидер подполья! Утром, всё утром».

Крапающий дождь действовал не только на нервы Катерины, которую вели на завод, чтобы оставить под присмотром Олега Владимировича, но и на Тамару с Борисом, не носивших специальной одежды.

Несмотря на ранний час, у фабрики столпилась куча ра-

бочих, работников, прохожих дворян и купцов, полиции. Все гулко спорили, и Тамаре удавалось расслышать лишь отрывки фраз. «... Драка, точно вам говорю!...», «... напился, наверное, и полез на рожон...». Но это доносилось из уст богачей. Работники молчали.

– Тома, Томочка, ты только не переживай! – носилась вокруг Зоя, сопровождаемая напуганной Авдотьей.

Подпольщики дали Тамаре проход, отодвигая своих знакомых. В центре столпотворения находился Дмитрий, беседующий с жандармом, а на дороге небрежно лежал Олег Владимирович Щербаков, чьи борода и живот были окровавлены. При нём не нашли портмоне, его карманы были наизуворот (из одного кармана торчала затоптанная фотокарточка с женским изображением).

– Олег Владимирович... – промолвила Тамара с глазами навыкат.

Катерина попыталась сделать шаг к Дмитрию, но Борис, не отворачивая головы от изрезанного тела, дёрнул её за локоть. Тамара кинулась внутрь толпы к своим, – к рабочим, – вертя в голове:

*«И мстить за тебя беспощадно
Над прахом твоим поклялись»*

Шестая часть.

I

– Зоя, Дуня... – сдерживала слабость Тамара, чувствуя возникший в горле ком, – передайте в толпу...

Женщина нашептала подругам необходимые слова. Борис понял, к чему всё идёт и, потянув за собой охваченную страхом Катю под вопросительный взгляд Дмитрия, незаметно отходил к тому краю, возле которого была арка-проход. Тамара находилась дальше всего от полицейских.

– Товарищи... – негромко начала она, – понравилось ли видеть своих детей сытыми, одетыми, обогретыми? Понравилось ли приходить домой до заката? Понравилось ли вам чувствовать себя людьми? – вокруг агитирующей Тамары собиралось больше рабочих, которым в разных точках всё то же произнесли Зоя с Авдотьей. – А теперь представьте, товарищи, что у вас это снова отобрали! Вы опять обязаны работать чёрт знает сколько часов за гроши! Что вы, друзья, сморщились?! Разве вы не замечаете сборище благородных самодуров?! Думаете, им нравилась политика Олега Владимировича?! Нет! Это они всё подстроили! Они убили его, чтобы отобрать у нас крупницы свободы! – работница лукавила, и лукавство это действовало на взбудораженных людей. –

Наш новый *хозяин* отберёт всё, что дал Щербаков. Он сделает хуже, чем было. Нравится ли вам такой расклад, товарищи?! – Тамара закричала:

Так восстань же, сила мощная,

Против рабства и оков!

Суд чини, расправу грозную:

Зуб за зуб и кровь за кровь!

На последних строках в круг ломились вооружённые жандармы, но взволнованная толпа с дикими криками сдирала с них каски, эполеты, отбирала пистолеты. Рабочие со всех сторон бросались на более-менее прилично одетых подданных Его Императорского Величества. Поднявшийся шум оглушал, и невозможно было разобрать голос определённого человека. Повсюду звучала русская «Варшавянка».

– Отпусти меня, отпусти! – без опаски орала Катерина, вырываясь из крепкой хватки.

– Идиотка! Ты же сдохнешь здесь! – Борис, уже внутри арки, продолжал затягивать девушку за собой.

Навстречу к Борису и Катерине кинулись трое громадных мужчин (и один хиленький) с ножами в руках – Мирон со свитой. Борис от неожиданности разжал женскую руку, и Катерина врезалась прямиком в объятия одного из сопровождающих извозчика.

«Только не опять, Господи, только не опять!».

– Не возись с дохлячкой! – рывкнул Мирон, вонзив холодное железо в Бориса. – За этой падалью другой подберёт!

Катерину вытолкнули из арки. Она, не оглядываясь назад, на четверых мужчин, жестоко закалывающих отчаянно зовущего её рабочего, устремилась к сбегающему Дмитрию.

– Заберите меня с собой, Дмитрий Дмитриевич! – по-французски просила девушка.

– Не время для разговоров, Катерина Матвеевна! – юноша взял Катю ладонью за ладонь, чтобы было проще бежать.

Дворяне, как крысы на тонущей палубе, разбежались по сторонам, но их догоняли бунтовщики, расправляясь с ними на месте. За такими рабочими следовали стражи, хватали и, забыв о долге защищать народ, творили различные бесчинства. Тамара, тряся головой и ногами, бешено и не щадя горла отбивалась от тащивших её за угол под локти жандармов, выкрикивая взывающие лозунги:

Разрушайте же оковы!

Путь нам общий всем лежит:

К жизни светлой, к жизни новой,

Где свободы луч горит!

– Губанов, Тому схопили! У тебе рушница! – завопил малоросс Яша и упал от прилетевшей в голову пули.

Губанов с неистовой ненавистью спустил курок и... запалил не в ту сторону из-за набежавших на него блюстителей порядка. Тамара, прохрипев «но день настанет неизбежный...», умерла.

Эпилог.

I

Швейцарский июнь тысяча девятьсот одиннадцатого года вынуждал жителей массово скупать зонты для спасения от разъедающих всё живое солнечных лучей, и даже мороженое и окна нараспашку не спасали от жары в летнем домике с видом на тянущиеся к голубому небу горы со снежной простынёй. Софья Никитична не читала новый выпуск модного журнала, предпочтя использовать его как второй веер в длинных аристократических ладонях. Каждые десять минут она подзывала к себе изнывающих от жажды прохлады служанок, интересуясь у них последними новостями о невестке.

С трудом добравшись до собственной квартиры через коллею спешащих жандармов, Дмитрий, не теряя времени на одышку, закинул в саквояж самое необходимое: документы, деньги, сменную одежду и две книги по экономике. Катерина ждала вердикта юноши на скамейке в прихожей, вздрагивая от любого шороха. Наконец Дмитрий собрался и вышел в коридор.

– Дмитрий Дмитриевич, у меня никого не осталось... я совершенная сирота. У меня нет ни денег, ни приличного платья, ни чести... Я приму Ваш отказ взять меня с собой в

Швейцарию... – она была не в состоянии оставаться стойкой. Девушка, заплакав, закрыла руками пожелтевшее от синяков личико.

Дмитрий уселся напротив дворянки. «Дать ей денег и отправиться одному?.. Не в таком же виде везти её к себе в дом!».

– Я, право, не желаю оставаться здесь... Сколько несчастий произошло со мной в этом городе... Без Вас у меня лишь один путь... – Катерина вспомнила давнюю встречу с женщинами в разноцветных платьях, щипающих её и зазывающих Тамару присоединиться к ним.

– На каком же положении взять мне Вас в путь, Катерина Матвеевна? Не станет ли оно для Вас таким же постыдным, какого Вы страшитесь?

Катерина убрала ладони от головы, и ласковое помутнение захлебнуло её. Дворянка опустилась на колени и подползла к удивлённо смотрящему Дмитрию.

– Для меня в радость любое положение подле Вас. Я люблю Вас, Дмитрий Дмитриевич. Прошу, умоляю, не оставляйте меня на ещё больший произвол судьбы! Я столько пережила, столько потеряла...

– Катерина Матвеевна, поднимитесь! Не нужно унижаться передо мной! – вспыхнул Дмитрий. – Значит, Вы согласны на любые мои условия?

– На любые!

– И никогда не упрекнёте меня?

– Никогда! – Катерина бросилась на шею к Дмитрию.

Паспорт девушке оформили быстро, но потратив на это большую сумму, чем полагалось. На вокзале Дмитрий и Катерина назвались мужем и женой, чтобы без лишних вопросов купить билеты. Главным условием юноша обозначил соответствующее положению жены времяпровождение, исключая совместные прогулки на остановках до тех пор, пока синяки на истощавшем лице не заживут настолько, что их не будет видно вовсе. Дворянка без колебаний согласилась.

Дмитрий не планировал представлять девушку матери. По приезде он собирался попросить университетского приятеля «приютить» Катерину у себя, но кто-то из служанок-болтушек доложил хозяйке точное время прибытия поезда, и она лично (что случайно крайне редко) встретила сына. Это была высокая и стройная женщина с гордым благородным взглядом и аристократической осанкой. Светло-русые волосы были уложены в безукоризненную причёску, а наряд буквально кричал о крупном состоянии этой красивой дамы. Катя с выздоровевшим лицом была радушно приглашена Софьей Никитичной в гости. Матушку Дмитрия впечатлил чистый французский Катерины и её умелая игра на музыкальных инструментах. В целом, она произвела хорошее впечатление на опытную сводницу.

– Ты обязан жениться, Дмитрий, – заявила Софья Никитична в личной беседе с сыном на зимней террасе.

– Матушка, я не желаю ни на ком жениться!

– Стало быть, бесчестить её ты пожелал, а жениться – нет? – из-за очков показались укоризненно глядящие глаза.

– Матушка...

– Ничего не хочу слышать! Ты женишься, и это не обсуждается.

– Но...

– Без но! – женщина топнула туфелькой.

– Она беременная...

– Господи, ну и дел ты натворил! Какие могут быть разговоры, Дмитрий?!

Как бы ни старался юноша рассказать об отце ребёнка, Софья Никитична отказывалась слушать, принимая это за отговорки и попытку опорочить обманутую её собственным сыном девушку.

В этот же день Дмитрий сделал предложение похорошевшей Катерине. Сначала не поверив, она расплакалась, когда Софья Никитична поднялась в выделенную Кате комнату и назвала девушку «дочкой». Через месяц, пока беременность не была слишком заметна, сыграли скромную свадьбу. Ещё через пять месяцев, в один из самых жарких дней за прошедшие две недели, начались схватки.

– Софья Никитична, Софья Никитична, родила, родила! – вбежала толстая служанка.

– Кого? – вскочила барыня.

– Девочку родила! Такую симпатичную! Хорошенькую, тихую! В Вас, наверное!

В комнате новоиспечённой матери носились врачи и слуги, поднося воду, пелёнки, инструменты. Радость сияла на лицах каждого, кроме Катерины.

– Катерина Матвеевна, возьмите её на ручки! Красивая какая!

– Не хочу.

Катерина, даже не посмотрев на новорождённую, отвернулась и подложила под голову загоревшие руки. Без энтузиазма вошёл Дмитрий, подгоняемый взбудораженной мамой.

– Ну покажите же, покажите же мне мою малышку!

Торопливо Софья Никитична забрала свёрточек из рук медсестры в свои. Оттянув закрывавшую розовые губки пелёнку, женщина расплылась в упоённой улыбке. Ребёнок открыл глазки. Это была прелестная девочка с угловатыми карими глазами и вздёрнутым носиком. Катерина повернулась к свекрови.

– Какие глазёнки у неё... тёмные, – опешила барыня. – В моего прадеда, должно быть! Я показывала тебе фотокарточку, Дима.

– Похожа, – произнёс Дмитрий, переместив осуждающий взгляд с ребёнка на мрачную жену.

II

По прошествии десяти лет умерла Софья Никитична, не дожив до своего юбилея всего десять дней. Супруги Самойловы воспитывали двух дочерей: старшую Ольгу (имя выбрала Софья Никитична) и младшую Ларочку (названную так по просьбе Катерины) восьми лет отроду. Ларочка появилась на свет голубоглазой светловолосой малышкой. Обе девочки росли поразительно красивыми, особенно старшая, и смышлёнными. Приходящие приятели Дмитрия с жёнами шуточно просили в будущем выдать девочек за их сыновей.

– Как чудесна ваша Оленька! Следите за ней хорошенько, а то и украсть могут, – смеялись друзья Софьи Никитичны.

– Поскорее бы, – бурчала себе под нос Катерина Матвеевна.

Ольга страдала от недостатка внимания почти всех своих родственников. К ней никогда по вечерам не ластилась мама, чтобы почитать сказки, в отличие от Ларочки. Отец общался с ней в исключительных случаях. Одна бабушка любила проводить время со старшей внучкой, но всё же меньше, чем с младшенькой. Мать ругала Олю за лень, когда она прикладывалась на диван после долгой конной тренировки; ругала за неуважение к себе, когда Ольга говорила с ней не на «Вы» (Ларочке же позволялось общаться с матерью на «ты»).

На фоне гражданской войны на Родине мамы, о которой

Ольга невольно узнавала от гостей, чьи разговоры они с Ларочкой подслушивали под лестницей, девочка разрабатывала в голове различные планы. Она жалела, что не родилась раньше, так как не может принять участие в войне против «мерзких коммунистов», как утверждала мать, чтобы обратить на себя внимание родителей. Ольга представляла, как, если бы была постарше, сбежала бы из Швейцарии и вступила бы в ряды белогвардейцев.

На праздники девочки всегда рисовали открытки. Ларочкины картины выставлялись на самое видное место, прикреплялись к шкафам, а рисунки Ольги бесследно пропадали. Однажды она обнаружила свою открытку, на которой старательно изобразила всю семью, разорванной на кусочки в конюшне. В тот вечер девочка долго проплакала, но так и не добилась внятного объяснения от матери.

Несмотря на очевидно разное отношение, сёстры были невероятно дружны. Ларочка всегда старалась успокоить огорчённую Ольгу, сама читала ей сказки или играла в дочки-матери. Однажды Ларочка убежала из дома (в чём переломившаяся Катерина обвинила негативное влияние Ольги) в хвойный приусадебный лес и принесла оттуда, вся запачканная, много шишек.

– Зачем мне шишки, Ларочка? – удивлялась наказанная и запертая в комнате Ольга.

– А ты загляни внутрь!

Внутри шишки были заполнены кедровыми орешками.

Ольга их пробовала всего один раз, и больше мать не позволяла ей их есть (не из-за побуждений сохранить здоровье дочки, а из-за того, что девочке орехи очень понравились). Ольга поделилась половиной шишек с Ларочкой, и к вечеру обе мучились с болями в животиках. К Ольге подошла только медсестра, чтобы дать таблетку, в то время как вокруг Ларочки вилась группа врачей и оба родителя.

Она прилежно училась в школе, но не захотела поступать в институт в Швейцарии. Получив замечательные знания по биологии и химии, девушка мечтала стать врачом. Шёл тысяча девятьсот двадцать восьмой год, и Ольга приняла отчаянное решение покинуть родной дом и уехать в Советский Союз, чтобы делиться с гражданами, «проклятыми большевиками», опытом её Родины. Ларочка, узнав об этом, очень расстроилась, но не стала отговаривать Ольгу, видя её счастливое лицо. Супруги Самойловы никак не отреагировали и даже не проводили дочку. В ту ночь Ольга снова плакала, но не изменила своей идее. «Я надеялась, что они меня похвалят за рвение, но они... Тогда мне тем более незачем оставаться с ними!».

На территорию СССР Ольга попала в середине августа. Она успешно сдала входные экзамены в Медицинский университет в Москве и получила комнату в общежитии, которую делила с тремя очень завистливыми девушками из разных республик. В университете, не на парах, а после, она не раз затрагивала вопрос социального устройства. «В Евро-

не настоящая свобода! Красота! А здесь... разруха, неуважение!»». Познакомившись с культурой поближе, Оля передумала заниматься миссионерством. «Они преданы своей стране, идеологии... они, как родственники, стоят друг за друга!»». Она и забыла, что когда-то агитировала против Союза. Она забыла, но помнили другие. В октябре жениху одной из соседок понравилась Ольга – утончённая, женственная и бессовестно привлекательная. Ей молодой человек также приглянулся. Через несколько дней после их первого свидания за Ольгой пришли служащие ОГПУ и увели её за доносом ревнивой Эльвиры. Ольга обвинялась в контрреволюционном саботаже.

– Швейцарка, значит... а что ты, швейцарка, здесь забыла? – спрашивал сотрудник, перелистывая толстое личное дело студентки, составленное за два месяца её пребывания в России.

Для решения вопроса Ольги было поднято множество архивов. В архивах ...ой области разыскали информацию о её родителях и об их последних годах в Российской Империи. К делу Катерины Матвеевны были приложены рассказы очевидцев. Сотрудник ОГПУ зачитывал Ольге вслух отвратительные подробности смерти её бабушки по маминой линии. В числе документов были сведения Архиповой Зои Михайловны, Костюшкиной Ирины Лукьяновны, Миусовой Авдотьи Родионовны и других. К материалам Катерины были прикреплены фотографии Тамары и Бориса.

– Вот с этим красавцем-рабочим твоя мамаша-белячка шашни вертела, – насмехаясь, твердил служащий. – Гуляла с ним, а замуж, гадина, вышла за «человека *своего* уровня». Ну и сволочи же вы, дворяне.

Мужчина, немного подумав, вновь посмотрел на фотографию Бориса и опять поднял глаза на Ольгу.

– А ты на него похожа, – следователь вытянул руку с портретом к уху девушки. – Нет, вы одно лицо.

Ольга покосилась на карточку и смутно догадалась, за что мама её так презирала.

– Ну и сучка же твоя мамаша, – ОГПУшник закурил. – Не захотела с простым работягой дитё воспитывать?

Студентка не отвечала на провокационные выпады сотрудника. Она была погружена в пристальное рассматривание других материалов дела, – отцовских, – с фотографией Щербакова Олега Владимировича внутри. «Откуда у них снимок отца? И почему с бородой?..».

– Ну, красавица, из уважения лишь к твоему отцу, – я ознакомился с его делом. Храбрый был парень! Как он с твоими стариками боролся! Настоящий русский мужчина, преданный революционер! Так и его товарищи писали: Зоя, Ира, Авдотья... – я не буду тебя пытать. Подпиши признание, что я, такая-то, саботировала моих однокурсников против Советской власти, – он скучающе крутил сигару.

– Никого я не саботировала, – она лукавила, – и ничего подписывать не собираюсь.

Следователь злобно ударил кулаком по столу. Ольга за-
жмурилась.

– Я тебе по-хорошему предлагаю. Я тебя отпустить не могу. Даже если и не саботировала, что я с этим доносом сделаю? Съем? Меня самого к утру расстреляют, если не подпишешь. Подписывай!

– Не буду! – с закрытыми глазами воскликнула Ольга.

Сотрудник вскочил и пнул ступнёй по стулу. Студентка с грохотом свалилась на пол, ударившись бедром. Мужчина медленно надвигался, загоня в угол настаивавшую на своём Ольгу в цветочном платье.

– Я ничего не подпишу!

– Подпишешь, красавица, подпишешь, – повторял неотвратимо приближавшийся мужчина.

Двадцать третьего октября тысяча девятьсот двадцать восьмого года в двенадцать сорок восемь по московскому времени семнадцатилетняя Самойлова Ольга Дмитриевна была расстреляна по признанному ей обвинению. Внизу стояла подпись следователя и примечание: «с применением спецсредств».

Конец.